

Ю. М. Осипов

СТРАДА

НЕПОКОРНЫЙ
АВТОПУС

*О себе самом –
от себя и со стороны*

Москва
2023

ББК 84-4

УДК 82

О-74

Издаётся под авторской редакцией со всеми возможными недочётами,
неправильностями и несуразностями

Осипов, Ю.М.

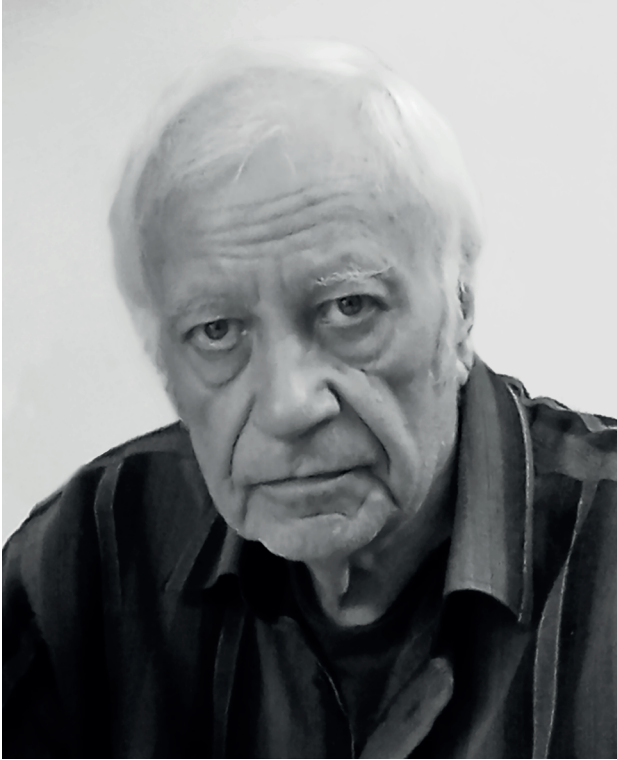
Страда. Непокорный автоопус. О себе самом – от себя и со стороны /
Ю.М. Осипов. – М.;

Тамбов : Издательский дом «Державинский», 2023 – 112 с.

*Не подлежащее обычной жанровой квалификации
итожжащего толка квазиэнциклопедическое писание о себе,
своих по жизни деяниях, своём профессиональном творчестве,
но и своём воззрении на человека и окружающий его беспредельный мир,
в особенности на русского человека и его безразмерный мир,
на Россию, а так-же на полную тайн историю
и на полную тьмы взбаламученную современность,
на бесцеремонно надвигающееся на человечество
лишённое явной будущности будущее.*

*Не для массового, а для крайне редкого читателя, как раз того,
который не довольствуясь фактологически-исследовательским
по-знанием утопающей в трансцендентности реальности,
осознанно тяготеет к метафизическому её постижению.*

© Ю.М. Осипов, 2023

Пред-писание

Получив однажды внезапную весть, что авторитетное энциклопедического профиля издательство хотело бы получить обо мне как учёном биографическую статью, написанную при этом не мною, а каким-либо другим лицом, я, ничтоже сумняшеся, решил подготовить для несчастного будущего автора некий прообраз, или, как запросто выражаются в литературной среде, «рыбу» или «болванку», возможного обо мне текста, ибо кто лучше меня знает меня, мою биографию, мой профессиональный путь, мои творческие деяния, мой кое-какой вклад в отечественную и мировую гуманитарную мысль, в русское слово, в культуру вообще, как не я сам, да и то, забегая вперёд, скажу – с немалой, как выяснилось при исполнении самовольно взятой на себя миссии, долей неопределённости, потаённости и даже неразрешимости.

И в самом деле всё оказалось именно так: хотя чисто информационная статья, вынужденно зауженная, старательно засушенная и мало что говорящая о сути, в принципе возможна, но при этом не слишком и интересна (хотя бы для самого виновника и самозванного первого её автора-предтечи), а, как выяснилось, воистину содержательная статья, может, и интересна, но в энциклопедийном варианте никак не возможна (тут надо писать даже не статью, а толстую книгу), отчего автору, как ему казалось, всего лишь наброска энциклопедийной статьи мало что пришлось убедиться в неподъёмности хотя бы примерного освоения и абрисного описания им же проделанного за более чем полвека, так ещё и в откровенной трудности концептуального (и достоверного!) осмысления и словесного отражения, всего этого проделанного, не говоря уже о внятной подаче всего кое-как осмысленного в укорщённом отчётно-справочно-очерковом тексте.

Короче: как таковая энциклопедийная статья, – несмотря на искреннее стремление, особенно проявленное в начале статьи, фабриковать статью строго по-энциклопедийному, – не получилась, зато получился любопытный иносюжетный обозренческий опус о страдном житии-бытии объекта-субъекта статьи, его профессиональной и не только, почти и нереальной, даже в чём-то по-своему и мистической, деятельности.

Интересно, что возникшая грандиозная, фактически и не выполнимая, задача и самозабвенно возникавший при её натужном решении текст упорно тащили их исполнителя на мемуарный простор в сторону от банально-заданной энциклопедийности, что им – задаче и тексту – сие немало и удалось, отчего текст и возник более сам по себе, чем по воле автора; сопротивление же автора неумолимо заносчивому тексту, хоть и имело место, но решающей роли, увы, не сыграло.

Ниже следует именно *этом*, во многом самовозникший, отчего и квазиэнциклопедийный, текст, отчётливо доказывающий вроде бы очевидный, но обычно почему-то не очень-то принимаемый во внимание, факт: насколько творец владеет текстом, настолько и текст владеет своим творцом, убедительно при этом подтверждая наличие между текстом и его создателем сонма совместных творческих мук!

Осипов Юрий Михайлович

Учёный-гуманитарий, многогранный мыслитель-энциклопедист, метафизик: экономист-теоретик, экономист-международник; софийный философ, философ хозяйства; политолог; антропософ, социасоф, историасоф; литературасоф, культурасоф, россиесоф; литератор.

Доктор экономических наук (1987), кандидат экономических наук (1973).

Главный научный сотрудник (с 2000 г.), профессор (с 1989 г.) Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

С 1984 по 1992 гг. заместитель декана экономического факультета МГУ.

С 1988 г. руководитель основанной по инициативе Ю. М. Осипова научно-исследовательской лаборатории сравнительного анализа хозяйственных механизмов в составе экономического факультета МГУ, преобразованной в 2000 г. по инициативе Ю. М. Осипова в лабораторию философии хозяйства.

С 1988 г. директор-организатор, а с 1991 по 2016 гг. директор Центра общественных наук (НИИ I кат.) при МГУ.

С 2016 г. председатель междисциплинарного Научного совета «Центр общественных наук МГУ».

Основатель (1999 г.) и бессменный главный редактор научного журнала «Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ».

Заслуженный деятель науки Российской Федерации (2004).

Президент Академии философии хозяйства (с 2009 г.).

Вице-президент Академии гуманитарных наук (с 1994 г.).

Действительный член Академии естественных наук (с 1997 г.).

Член Научно-экспертного совета при Председателе Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации (2003–2011).

Председатель Философско-экономического учёного собрания (с 1997 г.).

Член Союза писателей России (с 2003 г.).

Председатель патриотической Межрегиональной общественной организации «Преемственность» (с 2013 г.).

Родился 09.09.1941 г. в г. Ростове-на-Дону. Из служащих. С 1942 г. проживает в Москве. Русский.

Окончил в 1965 г. экономический факультет МГУ по специальности «политическая экономия», обучаясь по кафедре экономики зарубежных стран с локальной специализацией «экономика Франции».

Закончив в 1971 г. аспирантуру экономического факультета МГУ, прерванную в 1967–1970 гг. в связи с работой секретарём Комитета ВЛКСМ МГУ, стал преподавателем экономического факультета МГУ по кафедре политической экономии; защитил в 1973 г. кандидатскую диссертацию по теме *«Государственное программирование капиталистической экономики»*; в 1974–1975 гг. прошёл научную стажировку во Франции в Парижском (Нантерр) университете; в 1982 г. вёл научные исследования во Франции, прикомандированный в качестве профессора к тому же Парижскому университету (Сорбонна); в 1987 г. защитил докторскую диссертацию по теме: *«Хозяйственный механизм государственно-монополистического капитализма»*, издав перед защитой под тем же названием ёмкую по смыслам и содержанию, оригинальную по структуре и стилю изложения монографию.

В 1990 г. опубликовал этапную для себя, экономической и вообще гуманитарной науки монографию *«Опыт философии хозяйства»* (Изд. МГУ), выйдя самостоятельно на новую отрасль гуманитарного знания, при этом переоткрыв её почти через столетие

во всё том же Московском университете, где она и возникла в начале XX в., что стало Ю. М. Осипову известно после выхода в свет в том же 1990 г. первопродходческой работы С.Н. Булгакова «*Философия хозяйства*», переизданной тогда впервые после 1912 г., а до того пролежавшей в советское время в библиотечных спецхранах и автору «Опыта философии хозяйства» до 1990 г. неизвестной.

Тем самым, Ю. М. Осипов немало повторил творческий путь С. Н. Булгакова, преодолев предметную, методологическую, концептуальную ограниченность политической экономии и выйдя уже за её пределы на философию хозяйства, как и выйдя на философию вообще, а затем, уже не без влияния софийно-метафизического мировоззрения С. Н. Булгакова, как и иных русских мыслителей конца XIX в. и первой половины XX в (В. С. Соловьёва, П. А. Флоренского, Н. А. Бердяева), на *свою* метафизику и идущую далее софиологии *свою же софиасофию* (термин Ю. М. Осипова).

Как экономист-теоретик, Ю. М. Осипов внёс, не довольствуясь традиционной политэкономией, существенный вклад в системную разработку *теории хозяйственных механизмов* с акцентом на практику государственного (государственно-корпоративного, национального, межгосударственного) *хозяйственного (экономического) дирижизма* (управления хозяйством, экономикой, динамикой социально-экономических параметров, структур, поведении агентов, движением конъюнктуры, социо-хозяйственной динамикой, развитием), выдвинув и обосновав фундаментальную идею «*организации самоорганизации*», позволявшую на правах «золотой середины» избегать увлечения как тотально-императивно-плановыми (СССР), так и стихийно-либерально-рыночными (Запад) идейными установками и соответствующими им практиками (примечательно, что подготовленная им в 1983 г. в соавторстве с коллегой-эконометриком для советской «Экономической энциклопедии» обширная статья по хозяйственному механизму не была поддержана редколлегией и энциклопедия вышла в итоге даже без термина «Хозяйственный механизм»); внёс заметный системно-содержательный вклад в *теорию экономической (хозяйственной) динамики*, её разнообразной кризисогенной и волновой

реализации, став, в частности, одним из пионеров обращения к ранее отрицавшейся в СССР концепции Н. Д. Кондратьева о долгосрочных циклах и долговременных кризисах, добавив к кондратьевскому техногенному обоснованию длинных кризисно-волновых процессов *социально-хозяйственную обусловленность*, выраженную в реальности кризисно-волновой динамикой *всего цивилизованного жизнеустройства*, что позволило ввести в классификацию кризисов и циклов *апокалиптический момент*, выделив *апокалиптические кризисы* и *апокалиптические этапы бытия*, преодоление которых не могло быть и не может быть ни скорым автоматическим, ни уверенно управленческим, а может быть и бывает лишь сугубо *трансформационным*, если не прямо *трансгрессивным*, не избегающим ни радикальных реформ, ни таких апокалиптических происшествий, как перевороты, войны, революции, бунты; констатировав резкое усиление после отмены обмена доллара на золото в 1973 г. финансово-фиктивной составляющей экономики, выдвинул тезис о трансформации экономики вообще в новый системно-целостной образ – *финансомику* (собственный термин), что как раз и знаменовало окончательную победу *банковско-инвестиционного финансизма* над промышленно-торговым и даже государственным экономизмом.

Как экономист-международник, провёл фактологический по ряду показателей анализ эффективности послевоенных западного образца национальных экономик, их роста и развития, доказав впервые в науке бóльшую эффективность экономик с бóльшей в них ролью *государственно-корпоративного дирижизма*, в особенности в *программировавших (планировавших) странах*, как раз в странах, ставших и акторами феномена «экономического чуда», однако не преминул своевременно обратить внимание на всё более усиливавшуюся мирообусловленность экономики, высказав в 1980-х гг. идею *мировизации (мондиализации)* планетарной экономики, когда эта последняя переставала быть просто совокупностью взаимодействующих национальных экономик, а превращалась в единое (пусть и квазиединое) воспроизводственное целое, а национальные экономики всё более оказывались функцией от этого мирового целого, что влекло за собой, – с учётом феномена-факта

управления мировым экономическим целым из англосаксонского империльного финансового центра, – сначала невозвратное ослабление, а затем и фактическое прекращение эффективной практики национальных государственных дирижизмов, включая и общехозяйственное программирование, чем как раз и было ознаменовано, помимо ухода в 1991 г. с явленной исторической арены СССР, наступление *эпохи англосаксонского глобализма*, не терпевшего присутствие на планете эффективных и удачливых конкурентов из числа «автократичных»-де стран, что также дало повод Ю.М. Осипову публично высказывать на научных форумах в 1980 гг. твёрдое предостережение относительно опасности уже возникшей в советских правящих кругах и у части отечественных экономистов иллюзии спасительной-де ориентации перестроечного СССР в сторону Запада.

Приветствуя поначалу идею социо-хозяйственной перестройки в СССР, Ю.М. Осипов выступил за радикальные перемены в направлении самостоятельной активности производительных субъектов, хозяйственной многоукладности, частной инициативы, сохраняя при этом ведущую роль государства в социо-хозяйственной жизни страны, в особенности в финансовой сфере и в области внешних сношений, – как раз в духе его дирижистской «организации самоорганизации», – в связи с чем выдвинул проект «*Ни план, ни рынок*», легший в основу одноимённого монографического проекта, предложенного в 1989 г. ведущему в стране экономическому издательству, но редколлегией издательства не поддержанного, а сам этот проект означал не отсутствие вообще планов и рынка, а лишь отсутствие одностороннего пристрастия как к тотальному директивному планированию, так и к безудержно свободному-де рынку, равным образом и к открытому на границах всем встречным ветрам фактически денационализированному хозяйственному страновому пространству.

Советская перестроечная реальность, – как субъективная, так и объективная, – не пошла по «сердцевинно-золотому» варианту, а двинулась, как зачарованная, сначала в *эсхатогенную неизвестность* (термин Ю. М. Осипова), окунувшись с головой в *экзистенциальную социо-хозяйственную апокалиптику* (понятие

Ю. М. Осипова), а затем была, вполне как раз апокалиптически, сначала опрокинута в 1991 г. навзничь, а затем и аннулирована в купе с СССР, КПСС, КГБ, Кабинетом министров, Госпланом, Внешторгом и прочими государственными институциями, а всё советское (и российское тож) материально-производительное богатство отдано на «прихвато-приватизационное» присвоение и пиратско-воровское разграбление, а сама хозяйственная сфера в один миг попала под власть новорождённого «бешеного капитализма» – прозападного, компрадорского, вассально-колониального, дикого.

Разворачивающаяся под отчаянный вой 1991 года и угрюмый гром 1993 года бесспорно апокалиптическая ситуация в стране, заставив Ю. М. Осипова занять оппозиционную к нахлынувшей «новизне» идейно-концептуальную, да и политическую тоже, позицию, побудила его глубоко вникнуть в идею (концепт, эгрегор) коренной России, в роковую суть тогда реально в стране происходившего, как и в суть коварно поджидавшего страну будущего, а посему предложить, пусть и без особой веры в понимание, восприятие и успех, что-то исходно органичное стране и для неё приемлемое на перспективу, как раз «злато-сердцевинное», отчего родилась созданная в самые что на есть лихие 1992-1993 гг. и опубликованная в 1994 г., как и тогда же доведённая до высоких официальных кругов и научно-экспертной общественности, ёмкая по смыслам, откровенности и проективности монографическая работа, она же и *вещий документ эпохи*: «**Российская Реформация. Социопроjekt**» (Ассоциация «Гуманитарное знание». М., 1994), в которой было изложено не только анатомически вскрытое и прогностически предвиденное, но и проективно необходимое для уверенного движения страны в будущее, однако, вовсе не той страны, что подвергалась в тот момент насильственному антироссийскому реформированию, а совсем другой – тогда, конечно же, не бывшей и каковой ей только ещё предстояло стать, а потому в высшей степени актуальная работа, не имевшая и не имеющая себе равных, попала, как обычно, в число несвоевременных, неисполнимых и ненужных.

А ведь в работе были рассмотрены непреходящие вещи, они же и вести: Концепт России, её сакральный Проект, её Идеология – *соборная*, но при этом и её многовековая и центрократическая,

и имперская, и бесконечная, хоть и прерывная и волнообразная, Реформация (не путать с западноевропейской католико-протестанской Реформацией!), как и постигший страну в момент создания вешего документа жуткий системно-бессистемный *апокалиптический кризис*, с веером прогностических ожиданий, но и, что особенно важно, в которой был представлен не ангажированный никаким «верным» учением или «достойным» живым примером **Проект** – проект выхода страны из кризиса и её похода в будущее по собственному суверенному – как раз **российскому!** – пути.

Работа встретила не наигранное одобрение в тогдашних оппозиционных действующему режиму кругах, разумеется, весьма узких, хотя и не потаённых, а как раз вполне и властей предержавших, но не стала и не могла стать для правившей тогда элиты руководящим программным пособием, хотя в последефолтной 1998-1999 гг. ситуации нашла стихийный отклик в контрреформных начинаниях тогдашнего спасительно-коррекционного правительства, а позднее, уже со сменой высшего в стране должностного лица, и в некоторых реконструктивных деяниях власти в нулевые XXI в. годы, правда, не в контрреформных, а всего лишь в пользу реформ корректировочных, что явно подтверждало не так даже реалистичность самой работы, как объективную и субъективно никак не отменимую реальную обусловленность отечественного бытия.

Не порывая насовсем с теоретической экономией, как и с политэкономией, но уже будучи философом хозяйства, Ю. М. Осипов разработал компромиссно-промежуточную (смычковую, связующую) между теоретической экономией, включая политэкономии, и философией хозяйства вполне себе оригинальную, не имевшую аналогов за всю историю экономической мысли ни в отечестве, ни в мире, **теорию хозяйства**, которую изложил, предназначая труд не только для науки, но и для учебного процесса в вузах, в том же МГУ, в объёмном трёхтомном труде «**Теория хозяйства. Начала высшей экономики**» (Изд. МГУ. 1998), однако, несмотря на многие позитивные отклики и отсутствие в адрес теории хозяйства и её нестандартного изложения в трёхтомнике какой бы то ни было критики, всё-таки не принятой на вооружение в академической и вузовской среде, предпочившей либо почивать на унаследованной

от недавнего прошлого политической экономии в её близкой учёной среде марксистской версии, либо поскорее приобщиться к схематически упрощённому заокеанскому экономиксу или же к не имевшей никакой сущностной связи с экономической реальностью, но становившейся в развивавшейся оцифрованной цивилизации всё более модной, эконометрике.

Выход первого тома «Теории хозяйства» в 1995 г. дал толчок к подготовке к изданию в 1996 г. коллективной монографии, выполненной в экономико-философском ключе под руководством Ю. М. Осипова: *«Экономическая теория на пороге XXI века»* (Петрополис). Монография вызвавшая позитивный резонанс в учёной среде, положила начало серии книг под тем же названием, изменённым в 2000 г. на другое: *«Экономическая теория в XXI веке»*. Всего с 1995 по 2015 гг. вышло в свет 16 содержательных томов уникальной серии.

По инициативе Учёного совета экономического факультета МГУ, поддержанной ректором МГУ, в 1999 г. была провозглашена *новая научная школа – философии хозяйства*, получившая государственную регистрацию и вошедшая в государственный реестр научных школ.

В 2000 г. по инициативе главы этой новой научной школы Ю. М. Осипова руководимая им научно-исследовательская *лаборатория сравнительного анализа хозяйственных механизмов* была переименована в *лабораторию философии хозяйства*, став воистину уникальным для прошлого и современности научным подразделением университета.

Как философ хозяйства, – сначала как научный философ (философ-«физик»), а затем как метанаучный философ (философ-метафизик), – Ю. М. Осипов, выйдя ментально-концептуально сначала за пределы научного экономизма, а затем и вообще науки-«физики», создав и развивая свою философию хозяйства, перекликавшуюся с булгаковской, но и отличную от неё (одно дело исторический рубеж XIX и XX вв., да ещё и до практического коммунистического опыта, совсем другое – рубеж XX и XXI вв., уже после коммунистического опыта), окончательно обосновал смысло-функциональное различие

между «хозяйством» и «экономикой» – как реальными феноменами бытия, так и их абстрактными интеллект-понятиями.

«Хозяйство» – как феномен и как понятие – восходит к *жизнеотправлению* (можно сказать, и к *бытиеотправлению*), его (их) *организации-реализации*, причём не только человеческого и вообще зёмного жизнебытиеотправления, но и мирозданческого (Мироздание – хозяйство), а «экономика» относится к определённой форме организации-реализации хозяйства, его организации и им управления, она восходит (или нисходит) к изобретённой и практикуемой самим человеком *идеальной цифрочислорасчётной субстанции* (выражение Ю. М. Осипова), вполне при этом и *трансцендентной*, являющейся продуктом сознания и когнитива человека и сферу сознания и когнитива никогда не покидающей, но зато их – сознание и когнитив – деятельски организующей, ориентирующей и ими так или иначе манипулирующей и управляющей, что и есть как раз *субстанция стоимости*, она же и *сама-себе-субстанция* (понятие Ю. М. Осипова), выраженная в практической реальности не всегда ощущаемыми, но всегда ментально и интуитивно фиксируемыми, деньгами и ценами (*оцененными деньгами* и *оденеженными ценами* – тезисы Ю. М. Осипова), столь же при этом идеальными и трансцендентными, что и сама стоимость, отчего вся экономика есть не что иное, как *идеально-трансцендентный цифрочислорасчётный (денежно-ценовой) механизм*, включённый в жизнеотправление человека, его хозяйство, причём вовсе не только не механический, даже не строго упорядоченный вроде парадных войсковых колонн, а мало что в основе своей стихийный, хоть и весьма управляемый, так ещё и весьма в реализации своей хаотический, что позволило Ю. М. Осипову придти к заключению о наличии в базисе экономики *экономического хаоса*, переходящего в ходе функционирования реальной экономики в подвижный, неустойчивый и всегда временный, квазипорядок – *хаосмос* (большой, чем хаос, но меньший, чем космос), однако не порывающий с родительским хаосом генетически-функциональной связи и непременно в него возвращающийся, правда, чтобы снова из него вынырнуть, конечно же, уже в какой-то новой своей воспроизводственной конфигурации,

что как раз наиболее отчётливо проявляется в реальности и легко воспринимается сознанием вкупе с феноменами экономических кризисов и циклов.

Выходит, что экономика в реальной реальности и в её реалистическом понимании совсем (или почти совсем) *не то*, что воображает себе экономическая наука: экономика не только не производство благ и их потребление как таковые, напрямую относящиеся к хозяйству, даже и с обслуживающими производство и потребление благ деньгами и монетарными оценками (тот же бухгалтерский учёт – всего лишь хозяйство, пусть и денежно-оценочное), как раз с теми самыми деньгами и ценами, производными-де, согласно экономической науке, *от* или *из* производства и потребления, опосредуемых товарообменом, а вот согласно Ю. М. Осипову, экономика, есть на самом деле не что иное, как исходящее *от* или *из* сознания и когнитива человека и только человека идеально-трансцендентное нечто, вполне и *мысленное* (деньги и цены, как и всё остальное стоимостное – воплощённая в цифрах и числах *мысль!*), причём не только обслуживающее те же производство и потребление, но и их пробуждающее и себе подчиняющее, ими управляющее, гонящее их (при капитализме и научно-техническом прогрессе) вперёд, к росту и развитию, что означает, что не так экономика *от* или *из* производства и потребления, как производство и потребление *от* или *из* экономики, а сама экономика не откуда-то, а непосредственно *от* или *из* сознания и когнитива, однако при этом и *от* или *из* самой себя тоже, хотя и не без учёта ориентирных и даже императивных сигналов, ею воспринимаемых от тех же производства и потребления, как и вообще всего жизнеотправительного контекста.

В смысло-парадигмальном русле своего восприятия и понимания экономики Ю. М. Осипов вывел основной, вполне и диалектичный, принцип (можно сказать, что и закон) счётно-расчётной (вполне и цифровой) реализации экономики в лице её исходного и главного функционально-стоимостного параметра – *цены*, хотя принцип сей касается любого из стоимостных параметров экономики (денег, инвестиций, издержек, капиталов, кредитов, прибылей, доходов, зарплат и т. д.), и гласит сей принцип следующим образом: «*Цена*

может быть любой, но не какой угодно», где «любой» означает отсутствие строгой величинной предопределённости цены, исходящей исключительно из голов человеческих, от чего-либо постоянно и неумолимо действующего – хоть субстанциального, хоть дискретного, хоть магнетического, а «не какой угодно» означает, что хоть цена и вольна, будучи в некотором плане *самой-себе-ценой*, но не всецело, ибо есть ещё и зависимость цены от стоимостных (тех же других цен) и разного рода иных обстоятельств, среди которых и потребность в общем воспроизводстве экономики как целостности.

Выведенный Ю. М. Осиповым принцип ценообразования вроде бы очевиден, однако экономическая наука упорно ищет, как замороженная, некий внешний для цены, как и любого стоимостного параметра, детерминатор то в виде трудовых затрат, то предельной полезности, то соотношения предложения и спроса, не принимая во внимание, что цена хоть ото всего этого и зависит, но определяется когнитивно-интуитивно-«потолочным» расчётом-нерасчётом экономического человека с непременным её признанием-непризнанием экономической средой: цена не так возникает *от*, как сбрасывается *на*, и хоть она учитывает всё или многое от живой реальности, но ведь и сама создаёт эту реальность, немало исходя из того, чего в реальности-то и нет, зато есть в голове ценообразователя.

Обозначенная выше философско-хозяйственная трактовка экономики получила целостное отражение в монографической работе Ю. М. Осипова *«Экономика как есть (откровения Зоила, или судный день экономизма)»* (Изд. Дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2017), благосклонно встреченная философами и, как обычно, нарочито не замеченная или почти не замеченная экономистами, вовсе не склонными к адекватному пониманию реальной экономики и к соответствующему концептуальному её отражению: разве деньги и цены, как и всё от них производные стоимостные параметры, составляющие саму *сете-цифровую плоть* экономики, не суть мозговые идеи, не воплощённые в цифрах мысли, не сознаниево-когнитивные эманации, как и разве все эти трансцендентно возникающие стоимостные фигуранты экономики

не *от* или *из* сознаниево-когнитивного хаоса, творящегося в круговерти мыслей и цифр непосредственно в головах людских, и не среди ли *этого* головного хаоса, как раз уже и *творящего* (положение Ю. М. Осипова), и не благодаря ли *ему* сии фигуранты вообще фактически реализуются, точно так же, как возникают *от* или *из* хаоса в сознании и когнитиве человека любые идеи, мысли, решения?

Экономика как экономика – не только не часовой механизм, но даже не отлаженная бюрократическая система, да и вообще не система в общепринятом понимании, это, скорее, некая вольноопределяющаяся идеальная *спиритосфера*, пусть и с принципами, и с устоями, и с ограничениями, и с закономерностями, и с подвижно-временными идеальными каркасами, и со столь же идеальными, подвижными и изменчивыми механизмами, но мало что с волей, вольностями и произвольностями, как и с непрерывной игрой и внезапными импровизациями, но и с неизбывной для себя текущей и предстоящей *неопределённостью*, мало того – *неизвестностью*, пусть и частично и на время гасимыми посредством расчётов, прогнозов, проектов, планов, однако, увь, вполне и навсегда не одолимыми, да и в принципе не подлежащими такому одолению.

Разделяя понятийно «экономику» и «хозяйство», Ю. М. Осипов не отделяет экономику от хозяйства и хозяйство от экономики в качестве феноменов реальности, что даёт ему возможность говорить, коли в хозяйственной жизни есть и действует экономика, о наличии в реальности *экономического (экономизированного) хозяйства* и, соответственно, *хозяйственной (и хозяйствующей) экономики* (тезисы-термины Ю. М. Осипова).

Да, термины «экономика» и «хозяйство» чаще всего употребляются как синонимы, отчего и идёт нескончаемая путаница что в онтологическом, что в гносеологическом аспектах с невозможностью ни определить предмет экономической науки, ни выявить то, что на самом деле представляет собой реальность, походя именуемая, скорее даже, обзываемая, *экономической*.

Что касается сакраментальных для экономической науки понятий «план» и «рынок», то согласно концептуальному подходу Ю. М. Осипова, это не более чем мифологизированные наукой и публицистикой понятия, удобные в разговорах об «экономике» в функции досужих заклинаний, ибо, во-первых, хоть в хозяйственно-экономической реальности те же планы и есть (как же без них что-либо делать?), но лишь для того, чтобы начинать действовать и, по возможности, следовать планам, однако всегда при этом быть готовым не только их скорректировать, но и от них отказаться, прямо-таки как в военной стратегии, переходя к другим планам, может, и перекликающимся с прежними планами, но всё-таки от них уже заметно отличным, что означает, что планы для реальной экономики, задаваемые реальным хозяйством, как раз экономизированным, нужны и они там есть, но вовсе не для того, чтобы им всегда и во всём скрупулёзно следовать (тотальная директивная плановость как раз и сгубила сначала советское хозяйство с опекоподотчётной ему экономикой, а затем и СССР вкупе со всей своей коммунистической мифологией, отказав трудящимся в заинтересованности в труде, а предприятиям в возможности самостоятельно гибко действовать и со сноровкой расти и развиваться), и, во-вторых, если в реальности и бывают рынки товаров с их предложением, спросом и ценами, или те же территориальные локальные рынки (базары), то «рыночной экономики» нет и быть не может, как, собственно, и «плановой экономики» – там и там не более чем когнитивные оксюмороны, но зато может быть *экономика как экономика*, которая, собственно, в реалиях и есть, базирующаяся на хозяйстве и к нему же восходящая-нисходящая, им управляющая и им же управляемая, а решения в ней принимают не рынки и не планы, а *экономические, они же и хозяйствующие, субъекты*, которые, конкурируя и соглашаясь между собой, ведут рынки и сочиняют планы, как и действуют вне рынков и вне планов, не без натуги управляясь с *экономическим хаосом* и ловко управляя *экономическим хаосмосом*.

У современного экономического человека ярится надежда на надвигающийся на человеческий мир *тотальный технократизм* с его столь же *тотальной цифровизацией* и неременным подчинением экономики *искусственному разуму*, когда неопределённость,

хаотичность и неизвестность в той же экономике окажутся-де раз и навсегда преодоленными, однако, ежели что-то этакое и произойдёт, то ценой преодоления и самой социо-когнитивной (ещё человеческой) экономики, которая уступит место, как определил Ю. М. Осипов, уже давно активно вынашиваемой технотроникой *постэкономике* (термин Ю. М. Осипова), шаг за шагом уже реально замещающей социо-когнитивную экономику, а затем и самой настоящей *техномике* (термин Ю. М. Осипова) с воцарением не одного лишь искусственного разума, но и куда более масштабного технотронно-асоциального абсолютизма уже вполне себе, что не исключено, и диктатурно-фашистского толка.

В унисон с нарастающей тенденцией к технократической цифровизации экономики в учёно-экспертно-прикладной сфере родилось понятие «*цифровой экономики*», что по мнению Ю. М. Осипова, есть, с одной стороны, оксюморонная тавтология, ибо экономика всегда была, есть и будет цифровой, величинной, счётно-решающей, измерительной, когда цифра есть не что иное, как сама истинная плоть (пусть и идеальная) экономики, а с другой – если уже оцифренная экономика вдруг станет ещё и «цифровой», то это лишь свидетельствует как раз о замене естественной для экономики социо-ментальной (стоимостной) цифры на искусственную технотронную цифру, уже характерную для постэкономике, а не собственно экономики. Если что в итоге такой оцифровки экономики и получится, то уже не новая экономика со своей сохраняющейся когнитивно-социальной сутью, а самая настоящая, что уже давно утверждает Ю. М. Осипов, послеэкономическая *техномика*. Возможно ли? Почему нет, ежели сам человек уже готов превратиться в счастливого послечеловеческого *технотроника*?

Разработка новой отрасли гуманитарного знания – *философии хозяйства*, хоть и знания концептуально целостного, но не замкнутого в рамки какой-либо системно-теоретической (модельной) конструкции, а вполне открытого для смыслопонятийного обогащения, вылилась в цикл фундаментальных работ Ю. М. Осипова: «*Очерки философии хозяйства*» (2000); «*Философия хозяйства. В 2-х книгах*» (2001); «*Время философии хозяйства. В 3-х книгах*» (2003); «*Курс философии хозяйства*»

(2005); «Обретение» (2011), а также отразилась в двух исключительно значимых коллективных трудах, осуществлённых по инициативе и под руководством Ю. М. Осипова: в двухтомной «Антологии современной философии хозяйства» (2009) и в книге «Ренессанс философии хозяйства» (2001), посвящённой 140-летию С. Н. Булгакова.

С 1999 г. по инициативе и под главным редакторством Ю. М. Осипова стал издаваться объёмный научный журнал «Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ» (6 номеров в год. 19 п. л. каждый), вошедший с 2006 г. в список рецензируемых изданий ВАК, и лишь в 2020 г. (!) попавший в перечень периодических изданий МГУ, рекомендованных для публикации в них работ диссертантов.

В 2009 г. по инициативе Ю. М. Осипова и при активном участии ряда сотрудничавших с ним учёных была учреждена общественная, получившая государственную регистрацию, *Академия философии хозяйства* – с немногочисленным по составу (около 200 членов из РФ и зарубежья), но активно действующим сообществом свободных сомыслителей, приверженных адекватно целостному познанию человека, его гуманитарного бытия, включая хозяйственное, экономическое, социальное, политическое, идеологическое и даже войновское, ориентирующихся как на феноменологию с фактологией, или *экзотерику бытия*, не уходя при этом и от свойственных бытию сущностно-смысловых – *эзотерических*, моментов, так и не чураясь обращения к внешним относительно земно-человеческой экзистенции сакрально-космическим (мирозданческим) аспектам, что означает познание и осмысление земно-человеческого праксиса в единстве всего явленного на его поверхности и всего сокрытого в его глубине, а также всего воздействующего на него извне, как бы и ниоткуда, а в целом – физически воспринимаемого и метафизически постигаемого, однако там и там, пусть и по-разному и в разной мере, объекта *трансцендентного*.

В итоге творческой и практической деятельности Ю. М. Осипова и сообщества его коллег-сомыслителей в гуманитарной сфере образовался оригинальный, вполне и международного значения, сущностно-смысловой очаг онтологического знания –

фундаментального хозяйствоведения, восходящего к философии хозяйства, как и соответствующей этому знанию фундаментальной гносеологической (методологической) школы – философско-хозяйственной, когда «хозяйство» – всё жизнеотправление человека, а «философия» – возможность его целостного вольно-размыслительного познания-осмысления, ничего из доступного пытливому человеческому сознанию не исключającego и ни на чём конкретно бытующем исключительно не зацикливающегося.

Уместно заметить, что сие академическое образование объединило учёных разных гуманитарных и естественных наук и направлений, как и личных взглядов и творческих устремлений, причём не только разных российских регионов и научных центров, но и из разных стран. Это, безусловно, международное междисциплинарное сообщество свободно мыслящих, не связанных никакой заведомой установкой учёных, а за многие годы общения и совместной деятельности вполне себя проявившее как самое что ни на есть реальное *учёное братство*, не избежавшее, к сожалению, невосполнимых в своих рядах потерь в немилосердные ковидные годы.

Философия хозяйства, о которой речь – не только не часть экономической науки или той же привычной философии, как и не их внезапное незаконнорожденное дополнение, а вполне самостоятельная, вовсе и не отрасль, как и не одно из суботраслевых течений, а вполне себе *целостный поток гуманитарной мысли* с неопределённо объёмным предметом и ничем заведомо не ограниченной, кроме какого-нибудь вульгарного мистицизма и безответственной псевдологической трескотни, возможностью познания, осмысления, представления и изложения. И ежели всё-таки тут более всего «хозяйство», а не бытие или экзистенция в целом, то лишь как реализуемые (организуемые) человеком бытие или та же экзистенция, а уж коли тут «философия», то вовсе не так философия от философии, даже не философия от человека, из его сознания, а прежде всего философия *от* и *из* хозяйства, что то же самое – *от* и *из* хозяйственного бытия, *от* и *из* хозяйствующей экзистенции.

Философия хозяйства – окно в иной – здешний, околздешний и далёкий от здешнего мир!

Вот поэтому-то у Ю.М. Осипова и его сомышленников, пусть и не у всех (всякое тут бывает!), в почёте не философия как таковая, а *полилектическая метасмыслософия* (термин Ю. М. Осипова), что можно для ясности (или, наоборот неясности) представить и как *софийную метафизику* (выражение Ю. М. Осипова).

Обращение к гносеологической метафизике, пусть не сразу и софийной, позволило, познавая реальную реальность, хоть вроде бы и материально-физичную, вдруг открыть тот вразумительно-невразумительный факт, что гуманитарная реальность значительно *не та*, какой её представляют гуманитарные науки и рациональные философии, а весьма и весьма *ина*, как и распознать сокрытую в реальности *иную*, как бы в ней прячущуюся, реальность, как и *по-иному*, как раз уже вполне метафизически, трактовать гуманитарную вообще реальность, замечая и действие *иных*, человеком-наблюдателем обычно не замечаемых и не знаемых, хотя, быть может, и как-то чувствуемых, но сводимым, как водится в науке и научной философии, к объективным самовозбуждающимся стихийным процессам, а то и к бытийным, как принято в физике, законам-закономерностям вроде энергетических, но никак не к действию *иных – не природных и не гуманитарных – сил*.

Отсюда и совершенно осознанное обращение Ю. М. Осипова вслед *русской софийной философии* (определение Ю. М. Осипова) конца XIX в. и первой половины XX в. к *Софии Премудрости Божией*, что как раз и породило иного мировоззренческого путеводителя – *софиасофию*, когда мудрость первозданная – *божественная, небесная*, предшествует мудрости производной – *человеческой, зёмной*, находясь с этой последней в динамично-творческом единении, не исключаящем доверительного контакта и рабочего взаимодействия, причём не только в духовно-ментальном и познавательном планах, но и в проективно-деятельском (как раз в непосредственно хозяйственном, не исключая и собственно экономического праксиса).

Ю. М. Осипов разделил, или попросту признал уже существовавшее разделение – не суть важно!, окружающую человека, как и сидящего в нём самом, имея в виду и человечество в целом, реальность на *физическую*, или *физис*, и *метафизическую*, или *метафизис*, а знание человеческое о реальности разделил в широком смысле на физику, или в столь же широком смысле *технологическую*, и на опять же в широком смысле *метафизику*, или опять же в широком смысле *идеософию*, при этом признавая за реальностью способность быть не только физическим, но и метафизическим, *актором*, а на уровне метафизиса ещё и «*мыслящим актором*», отчего и выдавать на реальные гора как *технологическую физику бытия*, так и *идеократическую метафизику бытия*, что и позволяет бытию быть как *объективным абсолютным физиком*, так и *субъективным авторитарным метафизиком*.

Бытие тоже ведь хозяйствует, – и не только физически в рамках бытийного физиса, но и метафизически, отправляясь от бытийного и метабытийного метафизиса!

Бытие – оно ведь и *метабытие* (тезис Ю. М. Осипова)!

Творческий выход на Софию Премудрость Божию дал гуманитарному размыслительству свободу, как и силу, стойкость и уверенность, позволившие миновать (обойти стороной) догматические редуты, воздвигнутые религиями, философиями, наукой, как и той же утвердившейся за века эзотерикой, и выйти на путь *свободного гуманитарного мыслиеизъявления*, не минувшего, как водится в научно-гуманитарной сфере, обвинений не просто в ошибках и заблуждениях, но и в крамольно-еретических изменах чему-то раз и навсегда данному и чуть ли не абсолютно истинному. Однако София на то и София, чтобы своей смысловой беспредельностью, отороченной божественной *Тайной*, споспешествовать каждому человеку, каждому поколению, каждому народу, каждой культуре, каждой цивилизации вновь и вновь алкать истины, её искать и находить, либо убеждаясь в правоте наличной и действующей, пусть и задогматизированной, истины, либо попросту открывать известную истину заново, либо же припасть к совершенно новой – весьма уже и *иной* – истине.

Человек осознания, он – *творец*, пусть и не Мироздания и даже не крошечной планеты Земля, ибо человек не Бог, не Креатор, не Вседержатель, не Вселенная, но человек всё-таки творец своей экзистенции, своего мира, в немалой степени и самого себя, так почему же ему, признавая посредничающую меж Богом и человеком Софию и перед ней преклоняясь, не обращаться, особенно в острокризисные времена, к Софии, чтобы что-то важное и судьбоносное открыть, осмыслить и понять, возможно, для себя и роковое, – не ограничиваться же нынешнему, просвещённому со всех сторон, человеку одним лишь загадочным Иоанновым «Апокалипсом»?

Выход на Софию Премудрость Божию – выход на познавательнотрактовочный простор (*метадогматический простор* – выражение Ю. М. Осипова), позволяющий увидеть *иное* и о нём сказать соответствующее ему *иное слово*, – деяние совсем не шуточное, вполне и рискованное, а вдруг... не то слово, вовсе не о том, да и вообще никому не нужное, вполне себе тщетное, ещё и предосудительное, а для инословесника и немало опасное!

Однако всё это – и *иное* видение реальности с *Иным* (с большой буквы Иным!), скрывающимся в самой реальности и стоящим за ней, и *иное* обо всём этом вещное слово, таки состоялись, найдя отражение в серии трудов Ю. М. Осипова: «*Эпоха Постмодерна*» (2004); «*Иное*» (2008); «*Отечественная мировоззренческая мысль: наследие и перспективы*» (2013); «*Наедине с Софией. Метафизические реалии*» (2014); «*Восхождение. Четверть века в походе за истиной*» (2015); «*Блики и срезы: невразумительное читиво, или Книга ни о чём и ни для кого*» (2015); «*Белые скрижали. Сумма иного знания. Антиучебник*» (2016); «*Софиасофские тетради. (Не) учёные записки*» (2018); «*Метафизика. Код доступа*» (2019); «*Отшельник или Вестник не от мира сего. Антироман. Иное об Ином*» (2021); «*Обнажение. Исповедь учёного странника. Сказание вперемешку со сказкой*» (2022).

Прямо скажем, могучей вышла сия монографическая серия, мало что объёмная и необычная по содержанию и форме, но ещё и уникальная по представленному в ней мировоззрению, как раз софийно-метафизическому, при этом всё-таки не

обиходно понимаемому, а сугубо *по-своему*, персонально автору открывшемуся – *по-иному!* В этих трудах не только *иной подход* к реальности, а и раскрытие *иной реальности*, как раз той самой, что в окружающей человека реальности и в человеке самом не просто гнездится, а и делает всю эту *реальную реальность* другой, как раз и *иной*, что обычно человеком-наблюдателем не слишком замечается, но и это не всё – в сих трудах представлена и вполне себе *нереальная реальность* – как внешняя относительно земно-человеческого мира, так и в нём пребывающая, и в том и другом случае на него качественно и динамически воздействующая, причём представлена в осиповских трудах сия многоликая ирреальная трансценденция опять же *по-своему*, как раз в соответствии с обычно сокрытой для людского обозрения метафизической картиной.

Софийный внедогматический подход был ясно продемонстрирован также в двух коллективных, вполне себе и знаковых, трудах, выполненных по инициативе, под руководством и редакторством Ю. М. Осипова: «*София. Сто лет русской философии хозяйства*» (2012), созданной по случаю столетия выхода в свет в 1912 г. первопроходческого труда С. Н. Булгакова «*Философия хозяйства*», чем была подтверждена неразрывность связи современной философии хозяйства с софийной философией хозяйства С. Н. Булгакова, а также «*Хозяйство и мысль. Юбилейный монографический сборник. 25 лет Центру общественных наук при МГУ*» (2015), подготовкой и выходом в свет которых была показана великая познавательно-осмыслительная сила философии хозяйства и сопряжённой с нею софиасофии, вовсе не случайно возникших на закате науко-логосной цивилизации, хоть и не собирающейся, как и породившее её Просвещение, сдавать завоёванных потом, кровью и немалым лукавством своих всё ещё первенствующих в гуманитарной сфере мировоззренческих позиций.

Философия хозяйства, оплодотворённая и ведомая софийным мировоззрением, мало что держит в поле своего зрения всю безвсякого исключения человеческую и не только человеческую бытийную реальность, но и даёт ей и любым составляющим её компонентам свою интерпретацию – что формально-функциональную, что сущностно-содержательную, что духовно-идеальную, – оказываясь

как уникальным достижением философии хозяйства, так и вполне ответственно тяжким для неё духовно-ментальным бременем.

Сказать, к примеру, «экономика Бога» вряд ли возможно, кроме разве услышать сие из уст каких-нибудь западноевропейских религионеров- протестантов, скорее же, сказать сие невозможно, а вот сказать «хозяйство Бога» не то, что возможно, но и необходимо, что позволяет философии хозяйства, отчётливо сознающей свою сакральную связь с Богом, говорить не только о земно-космическом человеческом хозяйстве, но и о Божием, уже вселенского масштаба, хозяйстве, при этом видя в человеческом хозяйстве не что иное, как оригинальную часть вселенского хозяйства, что придаёт человеческому хозяйству совсем *иную*, пусть и не вселенского разряда, но всё-таки сверх-земного и даже сверх-человеческого порядка, значимость.

Философия хозяйства располагает возможностью говорить не только обо всём ей потребном, но и говорить *по-разному*: обыденно, научно, философски, даже и по-богословски, как и описательно, фактически, аналитически, обобщающе, целостно, а главное – свободно, по-своему, вовсе и не специализированно, не узко профессионально, вполне и литературно.

У философии хозяйства, не говоря об адекватной ей софиасофии, непоправимо непреходящий интерес ко всему сущему и существующему на свете, а вовсе не только к производству и потреблению благ, к производству и воспроизводству человека как биоорганизма, к деньгам, ценам, капиталам, инвестициям, банкам, кредитам, к золоту и иным драгметаллам, как и не только интерес к социуму, цивилизации, культуре, государству, политике, идеологии, морали, людскому поведению, но и ко всей духовно-интеллектуальной жизни с её наукой, философией, религией, литературой, вообще с её словом и языком, ибо всё это тоже ведь *хозяйственное*, как и тоже *софийное*, хотя и бывает в реальности антисофийным, античеловеческим, антимировым, вполне и сатанинским.

Философия хозяйства имеет обо всём её интересующем своё собственное мнение, нередко и круто противоречащее

общепринятым идейным установкам, отчего с этим *феноменом*, называемым *философией хозяйства*, приходится, коли уж его не горячо со стороны приветствовать, то либо его со стороны сходу отрицать, что вовсю и делается, либо холодно не замечать, что тоже вовсю делается, либо ничего о нём не знать, что тоже охотно практикуется, либо с ним попросту сухо и без всякого энтузиазма, мириться, что тоже имеет-таки место, хотя случаются вопреки всему этому негативу и понимания, и согласия, и даже приветствия, однако редкие, очень пока редкие, редчайшие!

Что же касается генетически, духовно и смысловó связанной с философией хозяйства *софиасофии*, но её удел быть не только масштабно не признанной, но и вообще никак не признанной, кроме позитивного отношения к ней редчайших индивидуумов, не ограничивающихся признанием софиасофии, а идейно-духовно в ней пребывающих, с ней творчески, прямо-таки как с самой Софией, взаимодействующих.

Так вот и бытует в гуманитарной сфере философия хозяйства: между скупым институциональным признанием и обильным себя публичным непризнанием, – в насквозь плотно и коварно просвещённой «компетентным» образованием учёной и иной интеллектуальной среде.

Философия хозяйства не может не задумываться над тем, *что* же есть человек, имеющий явно неприродного происхождения сознание и когнитив с их словом и языком, как и попавший на планету (всего лишь планетку), называемую человеком Землёй, явно не по своей воле; *что* же есть Мироздание, в укромном местечке которого бытует и действует человек сначала явно не на своей, а потом вроде бы и на своей, Земле, посреди всё-таки не своей, не им созданной, Природы, причём в своей, вполне себе природно-животно-организменной, тварности; *что* же есть хозяйство, реализуемое (ведущееся, ведомое) человеком, если оно не ограничивается обеспечением физического выживания человека в Природе, а сейчас уже и не только на Земле, включающее в себя явно *неприродного происхождения творческое начало*, ведущее человека как хозяйствующего субъекта за пределы Природы, а сейчас и Земли, мало того, ведущее ныне человека и (sic!) *за пределы*

самого себя (выходит, что не только человек ведёт хозяйство как его волевой творец, но и хозяйство ведёт человека как объективная, а лучше сказать, трансцендентная, да и тоже немало волевая, сила)?

Весьма интересно и вопросно и кое-что другое: почему же хозяйствующий человек вовсе не от голода способен убить и даже со вкусом съесть другого человека; жестоко эксплуатировать себе подобного в хозяйственно-трудовом процессе; вести те же бесконечные между собой войны, истребляя друг друга, – ведь одними насущными физическими потребностями, нехватками жизненных ресурсов и потребительных благ, желанием расширить жизненное пространство, захватить лучшее место с лучшими жизненными условиями, такого вот обращения человека с человеком (как с врагом и низшим существом, а не с другом и себе равным) не объяснить (подобными аргументами можно было вроде бы объяснять эту вовсе не любвеобильную человеческую экзистенцию ещё совсем недавно, увлекаясь дарвинизмом, мальтузианством, тем же нацизмом, даже и марксизмом, но вот сегодня, в эпоху высокопроизводительной постиндустрии, потребительского изобилия, общежитейского планетаризма и расцвета миролюбиво-улыбчивого гуманизма, *как и чем всё это* объяснить, если не попросту изначальной, органичной и не проходящей звероподобной *античеловечностью* человека?)?

Однако тут есть и сугубо философско-хозяйственное, сдобренное софисофией, объяснение: таким вот, *какой он есть*, человек и был *задуман*, и будет оставаться *таковым*, при этом немало и бесноватым, этаким, по Ю. М. Осипову, *бесовеком*, и оставаться до некоторых пор, ему не известных, как и хозяйство, которое он ведёт и которое ведёт его самого, *не может быть иным*, кроме как таким, *какое оно и есть*, немало и *бесовеческим*, и *каковым должно* оставаться до некоторой эсхатологической кульминации, человеку по сроку и образу исполнения не известной, но к которой, видно, он, как раз посредством своего не-совсем-человеческого, мягко говоря, хозяйствования, вольно или невольно стремится.

Тут в умственное дело вступают булгаковские *«хозяйственная телеология»* и *«хозяйственная эсхатология»*, однако подкреплённые осиповским вниманием к экзистенциально-хозяйственному

ПРОЕКТУ с прилепившимся к нему позывным «ЧЕЛОВЕК», трансцендентно явившимся на планете Земля как продукт и часть куда более масштабного хозяйства – *хозяйства Бога*, а ежели кому-то сие не нравится, то пусть всего лишь природного или того же *мирозданческого* хозяйства.

ПРОЕКТ! Следственно и какая-то запроецированная цель и движение к ней – *телеология*, и какое-то возможное завершение проекта с достижением или нет поставленной его *аттрактором* – замысливателем, созидателем, движителем (субъектным или нет – всё равно!) – цели, – *эсхатология*. Вот они – *телеология с эсхатологией человеческого хозяйства*, – и что тут важно: что при начале проекта, что в ходе его реального исполнения, что по его завершению, так это присутствие всюду *неизвестности*, прежде всего для человека хозяйствующего, а может, и для самого инициатора проекта тоже: всё ведь вокруг окутано неизвестностью, да и самого человека пронизывает неизвестность – как исходно-онтологическая, так и произвольно-гносеологическая.

Великая, – по Ю. М. Осипову, – *Неизвестность*, как раз та самая, без которой мало что нет ничего *Известного*, но и созидания *нового Известного* нет, короче, нет ни творчества, ни обновления, ни развития, как нет надежд, намерений, планов, фантазий, мифов, нет и реформ, революций, войн, бунтов, в общем – никакой жизни нет, никакого хозяйства, никакого возвышения человечества к некой, пусть ему не очень-то и известной, а более всего попросту неизвестной, телеологической цели, как нет и эсхатологии, даже и конечной смерти нет!

Великая Неизвестность – великое достояние Вселенной, Господа Бога, Софии, не говоря уж о никак до конца не известном самому себе человеку, а ежели и как-то известном, то не более как *мифологически*!

А почему всё-таки человек не останавливается, а идёт всё дальше и дальше, – скорее бессознательно, чем осознанно, – в своём сотворческом с Богом, да и не только с Богом, рвении, об этом не сильно и задумываясь, причём из поколения к поколению, через

годы, века, тысячелетия, пусть и с остановками, передышками, замешательствами, провалами, но идёт ведь, идёт?!

Вот тут-то и выходит на передний план осиповское *Иное*, как раз та самая трансцендентная сила, которая и выдавливает в человеке стремление идти в своём хозяйственно-творческом рвении всё дальше и дальше – к чему-то всё *иному* и *иному*, хотя человек не знает, куда он идёт, зачем, до чего он дойдёт, к какому *иному* придёт, хоть о чём-то ментальными усилиями отдельных своих особей (мудрецов), не исключено, что и догадывается.

Иное непрерывно давит к *иному* и это *иное* непременно выдавливает, давя не просто на человека, его сознание и когнитив, а и давя, – как раз возможно, и более всего, – на кое-какое *иное* в самом человеке, а именно на его ... *бессознание* и его ... *безумие*, ибо какое-такое творчество, да ещё и с нуля, вообще возможно без немалой толики бессознания и без ощутимой порции безумия, заставляющих яростно отказываться от прошлого, даже сытого и комфортного, расчищать экзистенциально-хозяйственную площадку от всего де устаревшего и уже не нужного, да и приступить к созиданию чего-то нового, как раз *иного*, более-де совершенного и человеку в будущем более-де потребного.

Отсюда как раз и сначала *выворачивание* человеком наизнанку самого себя, свою экзистенцию, своё хозяйство и окружающую реальность, а затем и неизбежное *выворачивание вывернутого*, как уже необходимая, пусть и всего лишь на время, гармонизация-нормализация что человека с его экзистенцией и его хозяйством, что окружающей человека реальности, однако так или иначе уже ... *иных*!

Тут нетрудно заключить, что человек, пусть и не каждая особь, должен быть, пусть и прерывно, не в каждый момент и не в каждом месте своего экзистенциально-хозяйственного бытия, как *мини-минимум* – *беспокойным*, как *макси-минимум* – *авторитарно-дерзким*, как *мини-максимум* – *агрессивно-беспощадным*, причём мало что относительно той же природы и как бы устаревшего и уже ненужного образа своего бытия, а более всего относительно себя

самого и себе же подобных, ну и, как *макси-максимум*, непременно быть *бессознательно-безумным!*

Так что, чему тут удивляться, глядя на межлюдскую борьбу, на войны, насилия, жертвы, агрессии, захваты, эксплуатацию человека человеком, рабство, восстания, их подавления, как и на прочее и прочее подобное, не говоря о каторгах, тюрьмах, концлагерях, ссылках, тех же пытках и казнях, что не отделимо от человеческого не просто беспокойного, а по-своему и страшного, экзистенциально-хозяйственного бытия, вовсе, как видим, *не райского*, а вполне себе как раз и ... *адовского!*

Где он, чаемый долгожданный *Рай*, человек не знает, а вот то, что *Ад*, вовсе не чаемый и совсем не жданный, здесь, на Земле, в текущем бытии и в текущем хозяйстве, пусть и перемежающийся с райскими или квазирайскими удобствами и удовлетворениями, человек, пусть и не отдавая себе в том вполне осознанного отчёта, весьма-таки хорошо знает, а ежели и не знает хорошо, то экзистенциально-хозяйственный контекст о донесении до человека сего бодрого знания непременно позаботится.

Что-о, разве производство и потребление не адовы, пусть и не всегда и не во всём, а ... а ... э-эх ... стоит ли перечислять, коли и так всё ясно, да мало что Ад здесь, на Земле, в людях, среди людей, в окружающем их мире, так ведь и *Бездна* тоже, та самая бездна, откуда всё мирское как из рождественного лоно и вышло, куда, как уже в поглощающее лоно, и уходит, и она – бездна – совсем недалече, рядышком, в подмирье, а рядом и заедино с бездной её сестрица-союзница *Преисподняя* – эта *фабрика мира*, а люди, – что фабриканты, что фабричные, – прямо в ней – в преисподней – и торчат, где и живут, и хозяйствуют, и трудятся, и умничают, и безумствуют, и любятяся, и жертвуются, и исчезают.

И во всём этом проявляет себя сакральный *Промысел*, для кого-то Божий, для кого-то природный, для кого-то мирозданческий, а для кого-то и *Князя мира сего*, – и винить тут в общем-то некого, ибо вряд ли на Земле возможно как-то иначе: жизнь, хозяйство, творчество, тот же *Прогресс*, ну и само *Творение*, которое ведь продолжается – до какого-то конца!, как и совсем не стоит тут винить человека,

якобы падшего в заниевском грехе, ибо человек от рождения именно *такой, каким он впрямь и есть*: материальный, животный, звериный, при этом и по-божески и не по-божески осознанный, когнитивный, одуховлённый, даже и омораленный (по-разному, конечно), и омораленный тоже, стоически исполняющий какой-то ему навязанный и ему совершенно не известный земно-космический Проект, действуя посреди Неизвестности, под настойчивым влиянием и с участием неподвластного ему Иного, хоть и много чего при этом знающий и достигающий: живительного и смертоносного; высокого и низкого; великого и мелкого; благородного и пошлого; прекрасного и ужасного, – но при этом упорно идущий, причём сразу поднимаясь вверх и спускаясь вниз аккуратно по загадочной экзистенциально-хозяйственной лестнице, спотыкаясь, падая, срываясь, калечась, поднимаясь, убиваясь, но всё-таки идущий ... во всё ту же *Неизвестность*, – и какие же тогда добрые и хорошие во всех отношениях райские люди на такое вот пойдут, жертвуя собой и себе подобными, – тот же, к примеру, добрый и хороший скотовод Авель не пошёл бы, а вот брат его Каин, убравший Авеля прочь с дороги, пошёл – как раз по пути *от природы к неприроде* (тезис Ю. М. Осипова), а затем уже в лице каиновых потомков к ...о-о!.. кто ж *этакое* из смертных знает, хоть и кое-кто из них кое-что из возможного предполагать и может, что не значит при этом, что и из вполне для себя достоверного?

Неизвестность, о которой речь – не просто ничто, пустота или то же небытие, хоть это вроде бы и так, однако, относительно Известного вовсе не что-то нейтральное, а весьма его напрямую и касательное, даже для него, не говоря о человеческом жизнеотправлении, и действенное, хотя бы порождающее надежды, намерения, проекты, но и разочарования, срывы, крахи, как и внезапные победы и столь же внезапные поражения. А что такое везение, фарт, удача, как и всё им наоборотное, а что есть Его Величество Случай, как и та же Её Высочество Вероятность, и Её Сиятельство Внезапность, а любая, пардон, Вера – Царица надежд и уверенности, как не переплетённые с Неизвестностью ожидаемо-неожиданные вести, они же иной раз и действительные события-факторы?

Да-а, ежели вдруг удача, – то чуть ли не деяние, достояние и достоинство знания, сознания, когнитива, а вот когда провал – вина, конечно же, неизвестности, что, может, и так, да вот ведь знание-то всегда посреди незнания, оно всегда или очень часто относительно, а *незнание* – НЕЗНАНИЕ! – всегда абсолютно и всегда само по себе, отчего знать незнание как *действующее нечто*, ничего конкретно о нём не зная, да лишь как факт его наперёд учитывая – не одно только охранительное и способствующее человеку благо, но и неустранимая человеком, для него и спасительная, необходимость, отчего и верования, и вера, и культы, и астрология, и гадания, и те же научные прогнозы, как и неизбежная внутренняя дрожь со страхом.

Неизвестность – сила, а уж Великая Неизвестность – страшная сила!

Жизнеотправление человека, оно же и хозяйствование – неустанное взаимодействие с Неизвестностью: то в союзе с ней, то в борьбе, то в нейтралитете, – и чтобы *это* вполне осознать, достаточно представить себе любую катастрофу, когда всё вдруг рушится, полыхает огнём, ничего из обиходного не работает, люди в панике туда-сюда мечутся, сознание полнится бессознанием, а когнитив – безумием, когда ... ШОК, сопровождаемый растерянностью, бездействием, незнанием, ступором, когда сам человек переполняется неизвестностью, вот тогда-то и открывается, что есть на самом деле Неизвестность, да ещё и Великая!

Говоря о Неизвестности, не стоит забывать, что неизвестностью полнится всё вокруг, причём самое что ни на есть житейское, и влияет, влияет, влияет, причём на всё течение жизни влияет, как и того же хозяйства, отчего и судьба, и рок, и «Всё в воли Господа Бога!», и т. п. вещи и вести, а разве известно, что собирается делать или уже делает любой из возможных зёмных субъектов – что друг, что враг, да и то же, к примеру, правительство своей же страны, не говоря о правительствах других стран, а что вершат тайные общества, спецслужбы, армейские генштабы, да мало ли ещё кто из акторов бытия, а-а? – так что от неизвестности, – хоть великой, хоть невеликой, хоть вроде бы нейтральной, хоть и явно приставучей, а то и роковой, – человеку *никуда!*

Как философ хозяйства, Ю. М. Осипов вводит, оставляя в стороне принятое в экономической науке понятие *способ производства* и относя его для собственно производства, как и понятие *способ потребления*, относя его для собственно потребления, как и относя любой другой способ организации-реализации чего-либо другого для этого самого другого, вводит для хозяйства (и хозяйствования) понятие *способ хозяйства* (при случае и *способ хозяйствования*), понимая под этим способ, образ, манеру организации-реализации хозяйства (хозяйствования) в их каком-либо конкретном, при этом и целостном (холическом), выражении.

Способов хозяйства в реальности великое множество, отчего Ю. М. Осипов ограничивается основной их типологией, выделяя лишь основополагающие типы, классифицируя способы хозяйства по критериальным рядам: натуральные (внутриприродные, сельские) и сверхнатуральные (те же ремесленные, индустриальные); органические (бестоварообменные) и экономические (товарообменные, денежные); свободно-сетевые, организованно-сетевые и иерархо-управленческие; частные и общественные; вольного строя и строя принужденческого; гражданские и милитаризованные (мобилизационные), и т. д. и т. п. Каждый из исторически или локально конкретных способов хозяйства редко бывает качественно «чистым» (однообразным, одноликим, однопараметровым), как правило, он отличается разнообразием, многоликостью, полипараметровостью, отчего и редко сводимым к одному характеристическому признаку, однако в гуманитарной, в особенности научной, практике распространены упрощающие реальность лексические штампы вроде тех же «капитализма» и «социализма», оставляющие часто без внимания иные, как раз бывающие и куда более реалистичные, признаки того или иного способа хозяйства.

Философия хозяйства на то и философия, как на то и хозяйства, чтобы видеть и учитывать всё строевое многообразие хозяйственной реальности, подмечая и кое-что нелицеприятное, как, к примеру, тот непреложный факт, что подавляющее большинство экзистенциально-хозяйственных устроений, как раз цивилизационных, есть не что иное, как тот или иной способ

насилия и способ устройства, пусть и не в полной в реалиях мере... э-э... *рабства – РАБСТВА!*, без чего – насилия и рабства – почему-то никак, нигде, никогда и никому не обойтись!

Замечательные во всех отношениях экзистенциально-хозяйственные факты, они же и ментальные выводы!

Обращаясь к социо-хозяйственной истории, философ хозяйства Ю. М. Осипов не преминул воспринять явившуюся из Европы богатую на смыслы и ими оперированием концептуальную идею о пришествии в Западной (католической, протестантской) Европе, со времени и под эгидой *Ренессанса* и *Реформации*, а также с участием *экономической революции* (термин Ю. М. Осипова) и *научно-технического переворота*, особой эпохи, исключительно значимой для всего мирового человечества, его хозяйственной деятельности и экзистенциальной судьбы, а именно – эпохи *Модерна*, или *Модернити*, или *Модернизации* – эпохи *тотального обновления всего и вся*, подкреплённой энтузиазменно, энергично и ресурсно колониальными европейскими завоеваниями вослед так называемым *великим географическим открытиям*, с последующим подключением к Модернизации, ведомой Западной Европой, всей планеты Земля, а что касалось всего до-модернового исторического времени, то оно рассматривалось отцами идеи Модерна уже как эпоха *Премодерна*, что также было творчески воспринято философом хозяйства Ю. М. Осиповым.

Таковым масштабным делением истории человечества обозначалось принципиальное смещение акцента с сакрально-духовно-природной обусловленности бытия человека и его хозяйствования на *самого бытующего и хозяйствующего человека – ЧЕЛОВЕКА!*, на его сознание и когнитив, что способствовало суверенной, хоть поначалу даже и боговдохновенной, а затем и вполне секулярной, хозяйственной (и всю уже экономической) деятельности человека, подстёгиваемой культом *экономико-технотронного (капитал-предпринимательского) хозяйствования*, как раз, согласно библейскому писанию – *каинского*, закреплённого кульминационной для эпохи Модерна её же субэпохой – эпохой *Просвещения*, со свойственной ей идеологией *гуманизма, секуляризма, атеизма*, как и *тотального преобразования земно-*

человеческого бытия, а посему и культом добываемого человеком рационально-изыскательски (по-леонардовски, надо заметить) знания, следственно – культура науки, прикладного изобретательства, как и, разумеется, культура денег, капитала (самовозрастающих-де денег), финансизма (управления этими самовозрастающими-де деньгами).

Так сложилась новая европейская цивилизация – в своём ядре экономическая и **технотронная** (экономическая цивилизация, как, собственно, и **технотронная цивилизация** – термины Ю. М. Осипова), однако не только экономическая и технотронная, это была ещё и, согласно софийному открытию Ю. М. Осипова, **пересотворенческая цивилизация**, бросившая телеологический – **хозяйственно-демиургический** (понятие Ю. М. Осипова) – вызов самому Господу Богу Творцу, то ли при этом предположенный изначально Божиим проектом «ЧЕЛОВЕК», то ли от человека творящего самовольно и внезапно явившийся, но тогда уже то ли принятым Господом в виде любопытного для Него эксперимента, то ли Богом всё-таки отверженным, отчего и человеком самозабвенно и не без страха ждущим своей или для себя той или иной эсхатологической – то ли ещё зёмной, то ли уже космической, – развязки.

Попытка стать в хозяйственно-творцовском рвении равным Богу (пусть лишь, по скромности, Мирозданию) или даже Бога (пусть лишь Мироздание) превзойти, дорого обходится Европе, как, собственно, уже случалось с завидной, пусть и с многовековым шагом, регулярностью, в Древнем мире (где Египет, Вавилон, Ассирия, Греция, Рим, где?): мало что пошла неотвязная конвульсивная тряска всего неистово обновлявшегося *европейского мироздания* (выражение Ю. М. Осипова), сопровождаемая чередой катастроф вроде разного рода обильных на кровь и лишения войн, восстаний, революций, кризисов, а ещё и порождением в недрах обновлявшейся заговорщически, потаённо и по-чёрному Европы, – не могшей, кстати, не вершить *того*, что она вершила, в силу не укрощённой и не одолённой европейцем-христианином, а на самом-то деле вполне уже ставшим антихристом и атеистом, изначально, так сказать, природы человека (сорвалось как-то вдруг и пошло-

поехало!), – порождением в недрах Европы ... э-э ... *анти*-Европы, пусть и очень разной, однако в любом варианте отрицавшей вполне себе вроде бы успешную и всюю процветающую *постренессансную* и круто *просвещенческую* Европу, да так отрицавшую, что звала к *Революции* и к другой – уже-не-той-европейской, а какой-то *иной*, Европе, вполне и единой, – как к единой имперской – аналогу Древнего Рима, так и вообще к *не*-европейской Европе, к той же коммунистической, социалистической, корпоративно-фашистской, – что и вылилось в итоге к социализации и фашизации Европы и к новой, – самой большой, кровопролитной и страшной в человеческой истории, – сначала паневропейской, а затем и ставшей мировой, войне.

Явление *иной*, пусть поначалу более в проекте, чем наяву, Европы – как раз *анти*-Европы, свидетельствовало о *закате* – ЗАКАТЕ! – Европы как Европы, приоритетно включавшей в себя и англосаксонскую Европу, казалось бы Европы, лидировавшей в мире, бывшей чуть ли не показательным для всех эталоном, в особенности, в её великих достижениях в экономике, науке и технике, в искусстве, как и вообще в культуре, однако... однако впавшей вдруг в немилость (*sic!*)... *от самой же себя*, попытавшейся было решить свои «раздирательные» проблемы за счёт других, в частности, за счёт всегда привлекавшей алчное внимание Европы (да и кое-кого в Азии) России – сначала Российской империи, затем, когда расхватать её наследие по итогам разбуженных по преимуществу из Европы революционных событий 1917-1922 гг. вполне и в частности не удалось, то потом и СССР, как раз и внёсшего главный силовой вклад в разгром в войне 1939-1945 гг. социал-фашиствовавшей Европы, что означало уже немилость, хоть и разбавленную американской и частично российской (советской) от победителей милостью, непосредственно немилость от всего внешнего контекста, включая и постколониальную его часть, но, несмотря на послевоенное процветание Европы не без помощи США и СССР, немилость к Европе, даже и вроде бы объединившейся в Европейский Союз, почему-то не исчезла, правда, не без лукавой её – Европы – американизации, причём совсем не простой в идейно-духовном плане, а ... *антимировской*, как раз той самой, которой

была уже давненько и изрядно заражена сама передовая дочка Европы – *Америка!* – и закат, увы, Европы *никуда не делся*, мало того, он, знаменуя роковой для Европы восход Америки, знаменовал также и последующий за восхождением Америки на мировую вершину неизбежный закат не одной Европы, а, по любимому Ю. М. Осиповым «закону бумеранга», и самой же Америки, о чём ей стало достоверно известно уже в текущее – XXI в. – время.

А ежели вновь обратиться к эпохе Модерна, порождённой Европой и продолженной усилиями прежде всего США, то нетрудно, свидетельствуя уже давненько *разгоревшийся закат Европы* и *возгорающийся закат Америки*, сделать сначала скоропалительный вывод о вступлении Модерна в стадию *ультра-Модерна* (чуть ли не по В. И. Ленину – высшую, последнюю, паразитическую и гнивающую!), а потом, крепко поразмыслив, поддержать, что и сделал философ хозяйства Ю. М. Осипов, вывод западных, как раз французских, немало озабоченных, настороженных и отчаявшихся, интеллектуалов о наступлении в Западном мире ледяющей, скользкой и коварной эпохи *Постмодерна*.

Почему же, не отрицая насовсем «*ультра*», чаша интеллектуальных весов склонилась всё-таки к «*пост*»? Дело тут не в том, что наука, техника, технологии вышли в XX веке на микромир, на атомно-ядерные энергии, на генетику, на техническую и социальную кибернетику, на радио- и телесвязь, на автоматику и компьютеризацию, в космос, а затем, пусть и более всего уже в XXI в., на интернет, цифровизацию и даже «искусственный разум», как и вообще на уже сам от себя действующий, параллельный земно-космическому, *искусственный виртуальный мир*, что можно было бы отнести всего лишь и к ультра-Модерну, а в том, что всё это замечательно достигнутое вдруг внезапно оказалось не просто *антимировым*, но и ... *античеловековым*, да и не только внешне воздействующим на человека, как, к примеру, то же антимировое искусство (как псевдо- или фальш-искусство) или попросту *антиискусство* (сколько его!), а и непосредственно внедряющимся в человека, его изнутри не просто меняющим и подменяющим, даже не просто преобразующим, а вполне себе ... *пересотворяющим*, да-да, именно так – делающим из человека какое-то *иное*, пусть по

виду и человекообразное, существо, не без основания названное постмодернистской философией *постчеловеком* (роботом, киборгом, куклой, а по Ю. М. Осипову – *чиповеет!*). Тут уже нельзя обойтись одним «ультра», а приходится уверенно обращаться к «пост», отчего тут не просто *ультра-Модерн*, а именно *пост-Модерн*, а в трюичном смысло-знаковом сочетании с Модерном и Премодерном – *Постмодерн!*

Да, модернизация продолжается, но не так зёмного мира для человека, как уже модернизация *самого* человека, что и является по Ю. М. Осипову, главным характеристическим аргументом эпохи рубежа XX и XXI вв. и далее уже XXI в. как *эпохи Постмодерна*, чем всё, почти всё или очень многое в бытии человека и объясняется, – причём не только ультра-техно-мегаполисное наполнение бытия человека, его хозяйства и культуры, но и ультра-технизацию самого человека, его сознания и когнитива, не исключая бессознания и безумия, с изменением даже телесности, физического строения, телесной динамики, физиогномики, мимики, выражения глаз с преобладанием одного в них выражения – пустоты, в общем – *обыскуствывания* человека не только с подчинением человека внешнему искусственному разуму или с внедрением искусственного разума в самого человека через ту же чипизацию, а, что самое важное, *обыскуствывание* вроде бы ещё натурально-божественно-человеческого разума, его явное *пересотворение*, что вовсю и имеет место уже сегодня.

Постмодерн – *ультрамодернизация* всего сразу: окружающего человека мира, образа бытия человека, самого человека, рождающая *пост-мир*, *пост-бытие*, *пост-человека*, но и *пост-культуру* с *пост-искусством*, и *пост-медицину* с *пост-спортом*, а также, что особенно занятно для экономистов и хозяйствоведов – *пост-экономику* и даже *пост-хозяйство*, а для чиновников, политиков и политологов – *пост-государственность*, *пост-политику*, *пост-гражданственность*.

Отмена, как видим, *всего и вся*: сначала отмена с *подменой*, что пока более всего имеет место сейчас, а потом и отмена с *полной ликвидацией*, что как раз и ожидает земно-космическое человечество в будущем с его возможно-невозможным превращением, – по К.

Циолковскому, – в «лучистое человечество», правда с той поправкой, что не всего человечества, да совсем уже и не человечества, а, как минимум, *постчеловечества!*

И сказка вдруг станет былью!

Стремился передовой европеец, а затем и американец, а следом и чуть ли не всё человечество, не исключая и российско-советско-российского, к гуманизму, свободе и лёгкой, – бесстрастной, безмятежной и бесстрадательной, – жизни, а попали все скопом в самый что ни на есть ... **сатанизм**, как раз в тот самый, против которого всегда были религии, государства, даже и атеистические идеологии, – а быль зёмная и в самом деле оказалась сказочной, но увы, *сатанинской*, да что сатанинской – **ультрасатанинской**, пусть частенько и рядящейся в несатанинские одежды, но зато привольной, всевозможностной, завлекательной!

Сатанизм – вовсе не фигура речи, не риторический образ, а самая что ни на есть реальность, причём ныне, как утверждает оплодотворённая софиасофией философия хозяйства, способная видеть и квалифицировать сразу всё, почти всё или же по преимуществу всё, причём та самая реальность, которая уже осатанила если не всю, то почти всю или многую, очень многую зёмную реальность, что выражается не только в проходной и институированной лжи, в фикциях, фальши и фейках, в симулякрах, в нарочитом бесновании и показном уродстве, нет, вовсе нет, всё куда сложнее, ибо не случайно же сказано – **во всём!**, хоть и не без, пусть пока и немалых, исключений, однако как раз *там* и *так*, где и ничего **такого** добропорядочный человек, гражданин, деятель, работник и не заметит.

Сатанизм – реальный факт, ещё и факт всеобщий, не чурающийся ничего: ни души человеческой, ни когнитива, ни слова с речью, ни мыслей с суждениями, ни людского поведения, ни совместного общежития, ни политики с экономикой, ни культуры с наукой, ни искусства с литературой, ни экстравагантных одежд с вычурными причёсками, ни выразительно-раскованных жестов и поз, ни (*sic!*) той же технотроники с современными архитектурой и градостроительством!

Метили в светлое будущее, а попали в ярко блистающее искусственным светом тёмное... *Ничто!*

Метились, стрéльнули и ... попались!

Сатанизм, как и те же зло с грехом, всегда был и будет, и не где-то там, вдали от человека, а рядом с человеком, в самом человеке и от самого же человека, и бывает он *там, там и там* – не потому что упорен, цепок и живуч, что окончательно Богом не подавлен и человеком не изжит, а всего лишь потому, что, – как утверждает софийная философия хозяйства, – он – САТАНИЗМ – ... (sic!) ... *необходим*, как необходимы зло с грехом, и необходим он как раз для жизни, для хозяйства, для судьбы, ибо жизнь, хозяйство, судьба реализуются вовсе не в Раю, которого, судя по всему, и нет, как и не на погосте, который хоть и есть, но для жизни, хозяйства и судьбы явно не годится, а в ... Аду, где как раз *всё и есть*: рождения, стремления, борьба, идеи, проекты, победы и поражения, страда и отдохновение, страдания и радость, болезни и выздоровления, в общем – жизнь, хозяйство, судьба, даже и вполне адовская экономика со своими чудесными деньгами и чудными банками есть, ну и, само собой – смерть!

Заметим, что сражение Бога и человека со злом, грехом и сатанизмом как было всегда, так есть и сегодня, пусть и идущее с переменным успехом, но пока есть на Земле человек, жизнь, смерть сие сражение никуда и никогда не исчезнет, как и никогда и нигде не одержит человек окончательной победы над злом, грехом и сатанизмом, впрочем, разве лишь в чаемом современностью оцифрованном псевдо-Раю, но ... вряд ли тут стоит загадывать ... нынешнее обесмысливающееся безвременье всё в миг и покажет!

Философия хозяйства, которую разрабатывает и исповедует Ю. М. Осипов – свободно-размыслительная, в основе метафизическая, операционально-практическая, откровенчески софийная, с одной стороны, и предвзято панхолическая по предмету своего интереса – с другой, не может не обрести *целостного воззрения* на мир вообще, включая земно-космический мир, живой мир, человеческий мир, ну и любую из пространственно-временных миров локалий, как и *целостного воззрения* на деятельность обобщённого

(*трансцендентального*, по С. Н. Булгакову) хозяйствующего субъекта, что означает, что любой последовательный философ хозяйства, алкающий, как любой философ, воззрения от себя на объект-предмет, а вот как хозяйствовед, он же и хозяйствасоф, ищущий уже воззрения, *исходящего от самого объекта-предмета*, непременно оказываясь при этом **мировоззренческим актором**, что как раз и выявляется, если не навязывается, самой философией хозяйства, отчего уместно заключить, что Ю. М. Осипов – *активный мировоззренец*, что-то вроде наказного (вынужденного) ответственного дежурного по миру людскому, того самого фигуранта размыслительного фронта, который не ограничивается своим собственным воззрением на объект-предмет, как и критическим разбором объекта-предмета сквозь своё на него воззрение, а который ... нет, вовсе не предлагает людскому миру очередную сусальную утопическую приманку в виде замечательно-де продуманного гуманитарного проекта, нет ... он лишь выявляет, ментально взаимодействуя с объектом-предметом, его – объекта-предмета – собственное *на себя* воззрение, что даёт сему фигуранту возможность адекватного относительно объекта-предмета, одной стороны, ситуационно-стратегического, – безусловно, концептуально-ориентирного, – прогноза, а с другой – не менее адекватного объекту-предмету концептуально-ориентированного – и не более того! – для человеческого хозяйствования вспомогательного абриса.

Вообще **концептуальность** – великая вещь, она же и весть, иное дело – какая, в каких целях, с какой закваской, наконец, чья она, от кого, ради кого и чего, причём не только онтологическая (идущая от реальности, её отражающая), не только гносеологическая (как способ познания и размышления, их итог), но и как ведущий хозяйствующего субъекта его *главный ориентатор* (вот что важно!), отчего и особенно значима именно **философия хозяйства**, которая, конечно, может быть идеософски, политически и концептуально разной, но в любом случае, ежели она и в самом деле *философия* (метасмыслософия) и в самом деле *хозяйства* (жизнеотправления человека вкупе с отправлением Природы, Мироздания, даже и самого Господа Бога), она не может быть относительно бытия, жизни,

человека и его жизнедеятельности *фатально безответственной*, отчего не может не быть настороженно критичной к реальности, но при этом и стратегически благосклонной, пусть и осмотрительно, к человеку, впрочем, к нему тоже весьма критичной.

Философия хозяйства не отделима от *правды*, она не для лукавства и лжи, хотя внимает *всему*, будучи, разумеется, никак особенно не застрахована от человеческих – частных и временных – ошибок и заблуждений. Залоговая сила философии хозяйства состоит в приоритете, который она отдаёт реальности перед любым о реальности знанием и суждением, а также в конструктивном обращении к Софии Премудрости Божией, а потому философию хозяйства ни отвергнуть, ни замолчать, ни изгнать, тем более, что она испокон веку везде и всюду незримо присутствует и неявно действует, лишь до срока не став замеченной и вытащенной на свет божий как именно *философия хозяйства!*

История человечества показывает, о чём весьма убедительно говорит философия хозяйства устами принятого ею софиасофского мировоззрения, что оно – человечество – издревле не только знало о как бы не существующем для него высшем, сокрытом, тайном, то бишь *ином*, но и вступало или же стремилось вступать в деловой и творческий контакт со всем этим неизвестным, трансцендентным, человеку не подвластным, понимая и его – всего этого *иного* – ИНОГО! – огромной над собой власти, терпя лишения, беды, смерть, имея необыкновенные взлёты и неся сокрушительные поражения (многотысячелетняя эпоха Премодерна), однако, накопив энергию протеста и свободы, человечество в лице своего временно-ведущего западноевропейского наворачия, вступило-таки на путь *пересотворения зёмного мира*, уже который раз двинувшись *от природы к неприроде*, сделала это, осознанно или интуитивно опираясь на опыт римской имперской всесокрушающей и всеподчиняющей власти, на практику финикийской (карфагенской) торгово-финансовой предприимчивости, тоже в общем-то имперской, на древнегреческие естественные познания и созидательные технологии, на древнегреческую, свободную от догм и нормативов, гуманитарную культуру, и ... *удалось!* – свершилось *Пересотворение*, оно же и *Модернизация* (эпоха

Модерна), – и человеческий мир вдруг предстал, не теряя насовсем связи с Природой и даже с Иным (церковь, верования, масонерия, астрология, оккультизм), целостно *не-природным*, даже и *над-природным*, мало того, ещё и со временем заявочно десакрализованным, секулярным, даже и атеистическим, то бишь *сугубо-де-человеческим*, как бы и независимым от Господа Бога Творца, причём стал таковым мало что по идейному убеждению (гуманизм), но и нарочито относительно Господа Бога протестно («Бог-де-умер!»)!

Да, человек-европеец восстал против руководства собою со стороны высшей, иной, трансцендентной силы, но его – *нового человека*, как и его *новый мир*, отчего-то вдруг весьма и весьма изнутри (!) затрясло (пан-европейские и спровоцированные ими мировые войны, как и такие же по масштабам революционные движения), итогом чего стало (sic!) как возвратное отрицание в самой же Европе передовой-де Европы (назад в Средневековье) вместе с её новым человеком и новым миром, так и прогрессное отрицание уже устаревшей-де Европы вкупе с не просто устаревшим европейцем и его миром, а и вообще, – уже, правда, более американское, чем европейское, – *отрицание человека как человека* вкупе с его – *человечным-де миром* (Постмодерн с его головокружительным сатанизмом).

Нет, не зря, совсем не зря, старались сначала ренессансно-просвещенческая Европа, а затем и ультрамодерновая ЕвроАмерика, хоть уже и не только они одни, та же европеизированная Россия и тот же поначалу (в1920 гг.) немало евроамериканизированный СССР тоже, покоряя природу и создавая глобальный на планете технотронный в основе *искусственный мир*, обыскуствывая и подгоняя под сей параллельный, но уже и экзистенциально доминационный, искусственный мир, как самого человека, так и его – человека – вроде бы ещё человеческий мир, а с появлением в недрах искусственного мира электронно-цифрового облака, а лучше бы сказать – тучи, прозванных *искусственным разумом*, активно и целеположенно превращая человека в роботизированное с окончательно обыскуственным сознанием и когнитивом в весьма

уже *иное*, пусть и биочеловекообразное, существо – в *постчеловека* (в *чиповея* тож!).

Это была уже жгуче-лукавая новейшая современность, в которой как раз и сошлись, конвульсивно сталкиваясь и обильно с шипением искрясь, два вполне себе апокалиптических трансцендентных потока: *хозяйственная телеология* и *хозяйственная эсхатология*, причём два неостановимых, разве лишь частично управляемых, весьма и смертоносных, потока, объявших всю планету и пронизавших весь, уже и немало постчеловеческий, земно-космический мир.

Апокалиптика, пусть и в союзно-борческом переплетении с противоположной ей *апокатастатикой* – важнейший в бытии всего и вся, включая и человека, его жизнь и хозяйство, социум и политику, фундаментальный феномен, которому Ю. М. Осипов придаёт в своём миропонимании огромное значение, феномен, означающий по меньшей мере временность бытия всего и вся, а в более широком плане – бытийную, скажем так, неустойчивость всего и вся, беспокойность, хрупкость, уязвимость, проблемность, рисковость, смертность всего и вся, в особенности, конечно, всего живого бытия, включая и не одни лишь организмы, но и между ними отношения, взаимности, кооперацию, а для людского мира – социумы, государственность, цивилизацию, культуру, в общем, как говорится, делая всё вокруг преходящим, проходящим и исчезающим – либо само собой, либо насильно – тут всё одно!, – однако, и, пусть и не всё и не в прежнем виде, восстающим, воспроизводящимся, повторяющимся, ну и изначально всегда сопротивляющимся и держащимся, – как раз *апокатастатически*, – и несмотря ни на что бытующим.

Апокалиптика, как и апокатастатика – неотъемлемые, постоянно действующие, а главное – *необходимые*, феномены бытия, без наличия и действия которых никакого бытия, которое есть *всего лишь*, пусть и растянутый на века и тысячелетия, *момент*, если не *миг*, просто нет. Бытие – это *Время*, но никак не *Вечность*, которая не просто нейтрально стоит за Временем, следственно, и за Бытием, а оперируя Великим Неизвестным и Иным, позволяет Времени быть временем, а Бытию – бытием, не давая им покоя, изменяя, умерщвляя, но и допуская их воспроизведение, пусть и до срока!

А что сегодня, в эпоху Постмодерна и его бесцеремонно-бешеной атаки на человека и человеческий мир, причём *акцентированно сатанинской*, а не всего лишь ново-цивилизационной? Сегодня как раз время разгула Апокалиптики, когда Апокатастатика не может не то что ограничить её, а, что совсем не исключено, этого делать и не хочет, заключив с Апокалиптикой, может, и временный, но союз, ибо на планете развернулось не просто *перестроение* человеческого мира, даже не просто его *трансформация*, а самая что ни на есть *транссгрессия* мира человеческого в *иной*, уже и *постчеловеческий*, мир.

Отсюда нынешний мир человеческий, уже и изрядно постчеловеческий, не просто мир-*баламут*, мир-*кризис*, мир-*хаос*, мир-*война*, но ещё и мир, поражённый в самое сердце своим отъявленным противником-бастардом – *антимиром*, выполняющим функцию тарана, но не так пробивающего брешь в земно-космическом человеческом мире, как его – этот мир – в целом разлагающего, ослабляющего, рассеивающего, аккурат ради полного утверждения на его месте уже возникшего, бытующего и бурно развивающегося технотронного *постмира* (мало что *постчеловеческого*, так ведь ещё, по утверждению Ю. М. Осипова, и вообще *после-мира*!)

Мир сегодняшней, как, собственно, и прежней, – мир-*борьба*, даже, можно сказать, и *борьба-мир*, причём не просто борьба между разными зёмными мирами вроде борьбы Запада с Россией, Запада с Востоком, Запада с Югом, как и Запада с тем же исламским миром (Западный мир ныне, да, собственно, уже и давненько – главный источник нынешнего апокалиптического противоборства миров на планете), даже не просто борьба между миром и антимиром, как и не борьба *всё-ещё-человеческого* мира с *технотронным постчеловеческим* миром, это, – по мнению Ю. М. Осипова, – ещё и глубокой сакральной мотивации борьба человеческого мира, бросившего протестный вызов Богу, Мирозданию, Времени и Вечности, себя пересотворившего по своему разумению и собственным лекалам, борьба человеческого мира ... *с самим собою*, не то чтобы вдруг осиротевшего, но явно оставшегося один на один с самим собою, мало того, оставшегося один на один с

Природой и Космосом, в адрес человека-преобразователя вовсе и не умилительно довольными, борьба, которую миру человеческому не то что не миновать, а ещё и погрузиться целиком и полностью в неё надо, – и только посредством *апокалиптической схватки с самим собою* рассчитывать на возможность, если повезёт, *дальнейшего сражения с Природой и Космосом!* Странно, парадоксально, нелепо, так ведь что в сем Мире-Мироздании не странно, не парадоксально, не нелепо?!

Совсем не простая тугоузлоподобная ситуация сложилась на планете Земля на рубеже XX и XXI вв., явно требующая витогенной развязки, но которой вследствие явной апокалиптичности что самой этой ситуации, что её развязки, ни споро автоматически, ни переговорно тягуче достичь невозможно, как невозможно и достичь в ядерный век и спасительно-войновской развязки, что то же самое – разрубки тугого ситуационного узла, отчего мир человеческий и признал по очередной западной инициативе затяжную гибридную и фантазийно маневренную в аспекте смены характера, способа, сферы и места ведения, как и максимально плотную в плане информационного и пропагандистского прикрытия, во многом симуляционную и даже театральную, *прокси-войну*, пусть с кое-какой и кое-где и натурально войновской войной впридачу, тем самым втянув себя в роковой образ мира-*войны*, а то и войны-*мира*, и обеспечив вольно или невольнo втаскивание планеты в бессрочную эпоху **Войны!**

Тут важно учесть два обстоятельства: во-первых, имманентное реальности, хотя и в основе трансцендентное, стремление этно-нацио-страновых образований, какими бы они ни были по манере бытия, присущей им культуре и цивилизационному образу, как и по размеру и силе, к тому себя представительству в этом мире, которое можно было бы назвать на генно-глубинном уровне исходной *самостью*, раскрывающуюся с тем или иным успехом в текущем бытии в поведенческой личности, в чувстве самоуважения, а если повезёт, в самостоянии и самостоятельности, суверенности и независимости, в общем – в той или иной *личностной субъектности*, что как раз и вызывает естественное с их стороны сопротивление любому над ними внешнему давлению,

управлению, диктату, что в общем-то понятно, хоть и не всем зёмным субъектам эта самость достаточно удаётся, как и не всем на «шарике» субъектам эта самая кое-кого самость очень уж нравится, в особенности неким *сильным мира сего* из правящей-де миром высшей идео-полит-финансовой среды (той же англосаксонской), однако вывод тут однозначен и неприступен: никакого адамовско-библейского образца человека-вообще на Земле не существует, а есть лишь разные изначально люди, племена, народы, расы, пусть и не изолированные друг от друга, пусть и в той или иной мере перемешанные пусть и изменяющиеся, пусть и ищущие новую для себя самость, но мало что к единому эталону, которого в реальности и нет, не сводимые, но и не могущие при всём чьём-то желании к нему свестись, что при этом не мешает разным по типу людям, племенам, народам и расам общежитствовать в одних и тех же территориально-институциональных пространствах; во-вторых, что не столь очевидно и что менее всего приемлемо любителям заносчиво править планетарным миром из единого (*одного!*) центра, а именно: никакого эффективного для всего мира в деловом, затратном и экзистенциальном аспектах управления земно-космическим человечеством нет, не было и быть не может, а всякий, кто (лидер, этнос, народ, нация, государство) на это решается, непременно терпит на этом мифотворческом, хоть на срок вроде бы успешном и даже высокодоходном, вполне реальное поражение, а в нынешнее высокодинамическое время и весьма незамедлительно.

Что же касается нынешних самоуверенно устраивающих на планете «управляемый хаос» англосаксов с их англосаксонским финансово-технотронным глобализмом, как и касаясь кое-кого из поднимающихся ныне напрямик в поднебесье новых претендентов на экономико-технотронное общемировое лидерство, пусть даже пока ещё на этот заманчивый, но крайне рискованный, путь явно не вступивших и благоразумно, быть может, на него никогда не вступающих, то всем им надо бы иметь в виду не только эсхатосудьбы Британской империи, Третьего Рейха или того же японского империализма, но и аналогичную судьбу уже трещащего по швам нынешнего американо-британского глобализма, но также неплохо бы помнить и о судьбе уже канувшего в лету евросоветского мирового

масштаба революционно-системного социал-эксперимента, как и не стесняться учитывать нынешнюю несостоятельность ООНовского мирового ... нет, не порядка, конечно, а, скорее, всего лишь ... некой, крайне сейчас ненавязчивой, вполне и симуляционной, склонности ООН к упорядочению планетарного бытия, а в итоге надо бы принять во внимание загадочную, вполне и трансцендентную, вполне и вавилонской алгоритмики, *невозможность* установления в земном человечестве хоть силового, хоть договорного, хоть какого-то ещё эффективного и долгоиграющего **Единого Мирового Порядка**, разве лишь, на что кое-кто сегодня в мире и надеется, с единообразным, техногенным и оцифрованным, постчеловеком, ведомым «искусственным разумом», но, увы, во-первых, в уже фактически не человеческом и даже уже не зёмном постмире, а во-вторых, даже и эта «фэнтези» весьма проблематична, ибо *кто* же тогда из постчеловеков и *кем* из постчеловеков будет управлять, как проблематичен и сам немало утопический переход к *постмировому постчеловечеству*, априорно беременный опережающей совершение сего перехода земно-космического масштаба, вполне и конечной, *апокалиптической катастрофой!*

Мир человеческий ныне в мировом по масштабу, объёму и разнообразию *хаосе* – ХАОСЕ!, – это безусловно – мир-*хаос*, что не значит, что как-то антихаосно устроенного мира вообще нет, он есть, может и равный своим устройением по удельной мощи хаосу, но хаоса ныне всё-таки никак не превосходящий, наоборот, ему уступающий, даже хаосу и потворствующий, отходя на задний план, отчего бытующий, хоть и немало вопреки хаосу, однако мало что в хаосе и через хаос, но даже и ... *благодаря* ему, ибо, во-первых, в хаосе бывает как легче иной раз выживать, так и добывать заслуженный-де гешефт, а во-вторых, изменяться, перестраиваться, обновляться, становиться *иным*, да и сам хаос не лишён творческой потенции (*творящий хаос* – идея-категория Ю. М. Осипова), отчего и сейчас он – ХАОС! – воцаряется на планете не ради ли каких-то *больших перемен* – БОЛЬШИХ ПЕРЕМЕН! – в планетарном бытии в сторону чего-то *иного* – ИНОГО?! – через ту же борьбу за экологию и ресурсы в угоду избранной («золотой») части человечества, как и за априорную экономию ресурсов для бросовой

(приговорённой к исчезновению) части человечества; через борьбу также за технотронно-оцифрованное будущее остаточного от новой научно-технической революции (и экзистенциальной тоже) постчеловеческого человечества; далее, через ставшую остро актуальной в ходе войны Запада со всем незападным (хоть и вестернизированным) миром борьбу *за и против* глобалистского англосаксонского правящего центра с его имперо-колониальным глобализмом вперемешку со встречной борьбой англосаксов за и против многополярного (полицентрального) устройства планетарного мира.

Ещё на рубеже 1990-2000-х гг. Ю.М. Осипов, убеждаясь в неозможности эффективного и приемлемого для всех акторов планеты управления мировым хозяйством, следственно, всем жизнеотправлением, из единого центра (тогда англосаксонского) выдвинул тезис о неизбежном кризисе глобализма и непременном распаде мирового хозяйства на *большие целостные части*, назвав сей феномен *партикуляризацией планетарного мира*, в основе которой не могло не оказаться историко-традиционно-индивидуальное тяготение групп акторов друг к другу с признанием империльного характера новых частных образований (с имперскими центрами-лидерами в каждом из регионов, разумеется, не строго географических), что, собственно, не просто ныне происходит в условиях мало что нарастающего всемирного социо-международного кризиса-хаоса, но и уже ведущейся, пусть пока и гибридной, войны, причём не только Запада со всем миром, хотя и прежде всего с Россией и Китаем, но и нынешних лидеров Запада англосаксов с тем же европейским (неанглосаксонским) Западом – как раз с континентальной Западной Европой (с тем же ЕС), что не только ведёт к базисной дифференциации планеты, но и к возможности образования в новоматричном составе мира большого англосаксонского монолита (США, Великобритания, Канада, Австралия, Новая Зеландия, плюс Япония с Южной Кореей) с далеко идущими последствиями как для остального (неанглосаксонского) мира, так и для всего планетарного мира в целом (уже вкуче с англосаксами) – по причине могущей быть развязанной сим монолитом *войны всех против всех – Армагеддона!*

В общем, на планете ныне *хаос, борьба, война, перемены*, а вот что же из всего этого в итоге: *новое бытие, инобытие* или совсем не такое уж новое ... *небытие*, чему как раз споспешествуют Вечность и Время, Великая Неизвестность и Иное, а вот что же тогда предположено Промыслом, а что думает на сей счёт сам Господь Бог ... э-э ... если б знать, если б знать, ... да вот знать *этого* вовсе и не надо, как никогда не надо знать в точности будущего, ибо нельзя терять Надежды, а Надежда в человеке и есть присутствие в человеке Господа Бога, как и самого будущего, а вот быть готовым и готовить себя к неизвестному будущему непременно надо, прозревая в меру сил его смутный абрис, не впадая при этом ни в самоуверенность, ни в отчаяние, ни в суетность, ни в оцепенение, а лишь деловито взаимодействуя с Софией, отчего и не отвергать высокомерно *философии хозяйства* и не отворачиваться в испуге от *софиасофии*, которые ведь совсем не случайно явились человеку в роковое, если не окаянное, для него время!

Современность – время *трансгрессии* зёмного мира через посредство *постмодернового* антимира (выражение Ю. М. Осипова), цифровизации, информатизации и искусственного интеллекта в *постмир* (термин Ю. М. Осипова), а человека в *постчеловека*, отчего на пути человечества вполне может встать не что иное, как *бездный хаос* – БЕЗДНЫЙ ХАОС!: из Бездны вышел по воле Господа земный мир, никогда её насовсем и не покидающий, включая и свою человеческую составляющую, в Бездне и сгинет, как раз не без посредства уже *постчеловеческой* составляющей. Здесь никакое не пророчество, а всего лишь вынужденная констатация: проект под названием «ЧЕЛОВЕК», кажется, завершается, хоть смертный человек не может и не должен это рассматривать как непреходящий императив.

Не игнорируя никакого из возможно-невозможных шансов для будущего пребывания человечества на Земле и в Космосе, а то и в Небытии, осиповская философско-хозяйственная школа имеет сегодня немалое основание, пусть всего лишь шанс, утверждать, что сегодня сокровенный ключ в будущее человечества, причём в любое будущее – переломное, обновлённое или эсхатологически роковое, хоть и в руках противоборствующей между собой великой

геостратегической тройцы – США с Великобританией за пазухой, Китая и России, но так уж сошлось, а может, и промыслительно предвиделось, более всего в руках, ежели не в зубах, как раз у нынешней, круто противу себя пореформенной, беспощадно перелопаченной, хищнически обглоданной, изрядно вестернизированной, дьявольски соблазнённой и немало развращённой, брошенной в адоподобное существование, однако ни с того, ни сего ... *поднимающейся*, аки атомная подлодка посреди Ледовитого океана, России (РФ), ведущей с Западом экзистенциальную, хоть с предательски торчащими с обеих сторон имитационно-розыгрышными ушами, войну, может, и не на смерть, то уж за *свою* жизнь точно, а с Востоком ведущей неоднозначное, тоже с торчащими отовсюду разоблачительными ушами, «взаимовыгодное» сосуществование, однако при этом способной, в отличие от самоуверенных и занятых поддержанием или ростом своего нажитого или пока ещё наживаемого величия «партнёров» по тройце, к внезапной для мира и самой себя *судьбоносной импровизации* – как имманентно из субъектных глубин вдруг продиктованной, так и насильно выдвинутой контекстными обстоятельствами; страна, пережившая за последнее столетие две тяжкие мировые войны и две сокрушительные революции, при этом не только оставаясь в живых, пусть и в новых образах и конфигурациях, но и каждый апокалиптический раз так или иначе вновь поднимаясь, одерживая при этом победы и беря небесные (космические) высоты, эта-то страна способна пойти и на третью судьбоносную пертурбацию, что войновскую, что переворотническую, причём вовсе не так, может, и для себя, как для всего, как это бывало и ранее, планетарного мира.

Россия сегодня – самый чувствительный, плодоносный и даже роковой сингуляр планетарного бытия!

Заключение экстраординарное, к которому Ю. М. Осипов пришёл не просто так, а погрузившись с волнительного рубежа 1980-1990-х гг. в смысло-событийный контент родной страны – России, не избегая его тесной взаимосвязи со столь же смысло-событийным внешним контекстом, став поначалу *россиеведцем*, а затем, будучи уже софийным философом, пройдя немало страданий и даже страдательный путь в познании, открытии и понимании

родной страны как её верный сын, гражданин и добросовестный учёный-концептуалист, став последовательным *россиеасофом*.

В 1990 г. Ю. М. Осипов написал, а в 1991 г. опубликовал, первую свою историасофскую работу, выше уже упомянутую: *«Перестройка или апокалипсис?»*, обращённую к протекавшей тогда российской, расплывавшейся аки раскалившаяся лава, действительности, вполне на тот момент статью злободневную, даже и осевого значения, фактически первым заметив *апокалиптический мотив* всего происходившего в стране и обратившись в его оценке к загадочному и незабвенному библейскому источнику.

Решительно переместив исследовательски-размыслительный акцент с внешней (зарубежной, западной) сферы на внутрискановую, Ю. М. Осипов, глубоко и чувствительно задетый вроде бы внешне антисоветскими, а по сути-то антироссийскими, событиями рубежа 1980-1990-х гг., сосредоточил внимание как на актуальной страновой ситуации, так и на вообще русо-российском бытийном феномене, не исключая ни доисторических времён, ни древних исторических, ни средневековых, ни так называемых новых, ни новейших, напряжённо осмысливая очередное трансгрессивное бешенство, разыгравшееся в стране, ну и, конечно же, маячивший впереди спектр предстоявших исчезающей державе возможных перспектив, не исключая и оппозиционной относительно властно творимому в стране «преобразованию» невозможной возможности, вовсе и не утопической – *сохранения и возрождения генетической предопределённости и объективной геостратегической заданности родной страны*.

Письменным работам и устным выступлениям на различных научных и административных форумах Ю. М. Осипова по исторической и актуальной проблематике России несть числа, отчего всего им проделанного здесь не раскрыть, однако есть, безусловно, веховского наряда труды, в которых нашла отражение, если не закладывалась в своих основах, *философия России* (явное до сих пор белое пятно в осмыслении России как метафизического, а не только факто-исторического, феномена), в которых утверждалась самобытность России как России и раскрывались принципы её самостного существования, а также настойчиво предлагались и

отстаивались необходимые для нынешней России постреформенные перемены, как и содержались вполне себе реалистичные, пусть и не самые приятные для патриотического сознания, предвидения.

Руководимый Ю. М. Осиповым *Центр общественных наук при МГУ* вкуче с созданным при нём *Философско-экономическом учёном собранием* (около 400 членов) превратился в очаг ... нет, не произвольного свободомыслия диссидентского пошиба, а ... свободного альтернативного мыслиезъявления, вполне и ответственного за судьбу родной страны.

Важно при этом подчеркнуть, что обращение Ю. М. Осипова и руководимого им учёного собрания к отечественно-российской тематике (хотя и не только к ней) было пусть и не единственным в стране, но явно для научной и административной среды необычным и вполне себе пионерским, мало того, не просто остросюжетным и точно бившим по актуальным целям, но и явно опережавшим время, что нетрудно заметить, сравнив по критерию реальной достоверности текущее в 2020-е гг. конфронтационное России с Западом «времечко» с недавно ещё якобы «партнёрскими» для России с Западом временами.

Многие годы назад (в масштабе десятилетних измерений) было сказано Ю. М. Осиповым и его коллегами *то*, что сейчас свободно и охотно культивируется (естественно, без ссылок на чьё-либо предшествующее авторство, а как бы авторски уже своё!), а ведь говорилась *всё это*, когда в стране господствовали совсем *иные*, как раз прозападные и даже антироссийские (как и про-элитно-олигархические), идеи, идеологии и практики, а в страновой интеллектуальной и немало в административной среде преобладало унылое соглашательство вкуче с умным умолчанием, одобренные чувством и кое-какого небезрасудного страха.

С внутренней протестной дрожью были встречены Ю. М. Осиповым горькие слова, произнесённые в разгар «рыночных» прозападных реформ 1990-х гг. одним выдающимся мыслителем-соотечественником, бывшим поначалу естествоиспытателем, а ставшим затем знаменитым гуманитарием – защитником советской цивилизации, её несомненных индустриальных достижений и

небывалых социальных завоеваний: «От нас (россиян – Ю. М.) требуется ещё заслужить право быть эксплуатируемыми!» Ничего себе: мало что прозападная по характеру реформа, так ещё и цинично-колониальная по цели и, как стало вскорости совсем уж ясно, по результату тоже! Заслужить право быть на свете, но исключительно лишь в позиции эксплуатируемых! Каково! И не здесь ли кроется главная разгадка нынешнего противоборства с Западом, включая и весьма растерянную Западную и явно ощетинившуюся против России Центральную (бывшую социалистическую и даже будто бы просоветскую) Европу? Увы ... *здесь!*

Сему патриотическому мыслителю принадлежало и другое заявление, сделанное примерно в то же время: «Западу не удалось сломать генотип русского народа», что было тоже впечатляюще, а главное, обнадеживающее! Однако Западу совместно с доморощенными западниками много чего удалось-таки добиться, пусть и не отменить насовсем русскую генотипию, но зато сталось внедрить в русский мир отрицательную, тоже генотипическую, нерусскость, как и вознести над русским миром ещё более отрицательную, уже «домовую», антирусскость, что как раз ныне и подтверждается нарастающей схваткой уцелевшего русского генотипа со своими ожившими и озверевающими антиподами.

В 2001 г. Ю. М. Осипов опубликовал в «Независимой газете» обстоятельную статью «*Среди нас, в нас, выше нас. Мерцающие контуры российской государственности*», в которой чуть ли не впервые в советское и постсоветское время утверждал *имперский характер России*, соответственно, СССР и нынешней Российской Федерации, находя необходимым вести в стране *имперское*, управляемое из центра, хотя и не тотально плановое, *многоукладное хозяйство*, включая и *экономическую составляющую* с подконтрольной центру финансовой системой, естественно, хозяйство суверенное, но с подконтрольной центру его открытостью во внешний мир, а также предвидел в стране наступление «*административной революции*», которая, надо особо заметить, таки свершилась к концу нулевых годов, правда, с достижением более всего достаточно тесного и масштабного единения административной системы (читай власти) с крупным

отечественным, как и немало с зарубежным, бизнесом (складывание административно-экономического комплекса – АЭК), что, может, и было неизбежно, но вряд ли вследствие накопительского эгоизма АЭК и его прозападной, пусть и частично вынужденной, ориентации, оказалось мягко выражаясь, вполне приемлемым для страны, и что затем, спустя годы, теперь уже вполне и вынужденно, было частично переориентировано вовнутрь, да не так, увы, в интересах всей страны, как более всего интересах всё того же АЭК.

В 2003 г. выходит в свет по инициативе и при авторском участии Ю. М. Осипова важнейшая в историософском, политическом и социо-хозяйственном, включая и преобразовательный, аспектах коллективная монография *«Феномен Сталин»* с выдающимся составом авторов и столь же выдающимся содержанием, в которой непредвзято, хотя и не без острой критики, рассматривались не только личностный феномен вождя, тирана и преобразователя, но и исторический период в бытии России (тогда СССР) – *эпоха сталинизма* (не так социализма и советизма, как именно *сталинизма*, вполне и имперского – подход Ю. М. Осипова), как и уроки – трагические, разрушительные и одновременно конструктивные, героические, ею – этой эпохой – преподнесённые. Монография была посвящена тогда 250-летию Московского университета, в судьбу и развитие которого Сталин со сталинизмом внесли существенный позитивный вклад, и отправлена по официальному каналу Президенту Российской Федерации. Через некоторое время было замечено, что предосудительно-карикатурное изображение Иосифа Сталина и предвзято негативное в СМИ отношение к *эпохе сталинизма* и *сталинской цивилизации* (термины Ю. М. Осипова), просуществовавших в том или ином виде явно до 1991 г., прекратились, хотя публичная критика в адрес Сталина и сталинизма сохранилась, обретя при этом более рассудительный и аргументированный характер. Дождался призрака Сталина с его сталинизмом и публичного в свой адрес оценочного позитива, пусть пока и не официального. Уместно особо заметить, что сталинская цивилизация (этатическая, армейского образца, однопартийная, авторитарная, имперская, по-своему и демократическая, точнее, народная) являла собой пример, пожалуй

что, и единственный в Новое время, реальной, пусть и не на все 100 процентов реализованной, *соборности* (тезис Ю. М. Осипова): *гражданской, товарищеской, равноправовой, национальной, как и, разумеется, имперской.*

В 2005 г. вышла по инициативе, подредакцией и авторским участием Ю. М. Осипова другая важная коллективная работа – монография *«Империя Россия»*, в которой усилиями высокопрофессионального авторского коллектива не просто утверждалось, что Россия в лице нынешней Российской Федерации есть *империя*, а утверждалась и сама *Россия как империя*, исходя из тезиса, что *либо Россия империя, либо никакой России попросту нет*, как и утверждалось, что Россия – особенная империя – *гомогенная*, что она империя прежде всего по своему централизованному, иерархическому, пирамидальному устройству (по вертикали), но при этом и многонациональному, многоконфессиональному, многорегиональному строению (по горизонтали), ещё и с историческим негегемонистическим приоритетом русского (даже и руссо-православного) этно-лингво-культурного начала, однако империя, будучи не колониальной, имевшая и имеющая и внешние имперские интересы, задачи, функции и обязанности как относительно окружающего её дружественного, не очень дружественного и вполне себе враждебного контекста, так и относительно вообще всего планетарного мира.

Центр земно-космической магио-исторической силы, он и есть центр земно-космической магио-исторической силы, однако тут для России не так удовлетворение, да ещё и с выгодой, как бремя с тяглом, затратами и жертвами, в отличие от других – как раз *гетерогенных* – мировых империй вроде почти уже бывшей британской или той же нынешней американской империй, никогда не стеснявшихся извлекать из своей империальности большущую выгоду, перекладывая основные тяготы, затраты и жертвы на свои заморские колонии, на своих же, ими вполне идейно-политически замордованных, вассалов.

В том же 2005 г. вышла ещё одна объёмистая книга, уже для Ю. М. Осипова собственно авторская, но зато какая символически и содержательно значимая – *«Постижение России»*, в которой Ю. М. Осипову удалось не только ответить на актуальные запросы родной

страны, яростно, пусть в чём-то тогда и вынужденно, хотя немало и желаемо, властью вестернизируемой, но и показать глубинную суть России, её несмытое веками соответствие, пусть весьма регулярно изнутри и всегда настойчиво извне отрицаемое, нарушаемое, гонимое и даже презираемое, *соответствие самой себе*, как раз той самой *самости*, восходившей к бытийному изначально, к сотворению мира, жизни, человека, не уничтоженной ни норманщиной, ни ордынством, ни византийством, ни европеизмом, ни коммунизмом, не могущей быть уничтоженной и нынешней глобо-вестернизацией.

Автор вскрыл, вполне и уникально, суть уходящей в глубину веков неистребимой *русскости*, свойственной всем русским людям – как *неотмирности*, сделав это, пожалуй что, впервые в истории Руси-России, решительно уйдя от набивших оскомину ходячих и старательно задогматизированных о родной стране презентативно-оценочных измышлений. Автору посчастливилось воображенчески погрузиться в самое лоно Отчизны, разумеется, духовное, идеальное, метафизическое, трансцендентное, что стало для него возможным как вследствие своей органичной принадлежности к русскому народу – труженику, воителю, страстотерпцу, герою, так и вследствие органического знания отличной от отечественной евро-западной заграницы, как раз в весьма успешные для неё времена, причём вовсе не негативного о ней знания, наоборот, весьма и позитивного, однако позволившего сделать вывод о *секумирности* этой самой заграницы и, наоборот, *неотмирности*, если прямо не *иномирности*, родной страны.

Да, умом Россию не понять, аршином общим не измерить, да вот и не надо этого делать: Россией надо просто жить, лишь держа сердце своё в России, а Россию удерживая в сердце своём, исходя из того простого, может, не сразу и воспринимаемого, факта, что *Россия как раз и есть для русских не что иное, как их первая и последняя вера* (утверждение-убеждение Ю. М. Осипова)! Трудно, тяжело, почти что и невозможно жить Россией как своей *верой*, а ведь надо, надо! Россия вовсе не идилична, она немало даже и страшна, однако, либо ты в России и с Россией, а она в тебе и с тобой, либо ты не русский, которых в стране хватает, даже этнически вроде бы русских. Не всякий русский выдерживает экзистенциальный брак с

Россией, вышедшей прямо из Бездны и её собою прикрывающей, да вот не ради себя, а ради, надо полагать, ПРОЕКТА – как раз Божиего, исполнению которого есть свой, никому из смертных не известный, а может, пока даже самому Господу Богу Творцу тоже не известный, коль скоро *земно-космическое творение ещё продолжается!*

Будучи коренным этнически русским, воспитанным в живой русскости, бытуя среди русских людей, Ю. М. Осипов не преминул в обстановке нараставшего в реформенные и пореформенные годы если не открытого поношения, то уж, деликатно выражаясь, лукавого игнорирования, *русских, русскости, русского мира*, не преминул выступить ... нет, не ради вовсе защиты отрицавшегося тогда исподтишка, предвзято и злобно родного ему мира, который фактом своего исторического существования ни в какой-такой защите не нуждался ... а всего лишь ради очередного характеристически убедительного подтверждения факта продолжения бытия этого мира, пусть и в обывательском измерении, может, не такого уж и благого, и пристойного, и для комфортной жизни не очень-то приемлемого, как и выступить в пользу своей личной духовно-нравственной принадлежности этому миру, причём вовсе не просто этнически сыновней, а и духовно-культурной, причём миру мало что воистину *суперэтническому* (с огромной разноэтнической составляющей), а ещё и миру *мегаэтническому*, чуть ли не *расового* порядка (не путать с расхожей трактовкой рас и их состава!), исполняющему, осознавая это вполне или нет, какую-то особенную целевую земно-космического масштаба трансцендентную *сверхзадачу*.

Русскость и соответствующий ей русский мир давнего, ещё доисторического, не говоря о дохристианском, происхождения, как известно, более всего ведического, отчего и не сугубо восточно-европейского, а и, что совсем не исключено, ближневосточного, а может, и ещё более восточного, ближе к Индии, вобравшие в себя и продолжающие вбирать всё из земно-космического, не исключая и бездненского, и преисподненского, и неизвестненского, и инаковского, удерживая всё это в себе, переваривая и выдавая на свет Божий аки творческий сингуляр уже как *русское* – потаённое, неопределённое, странное, порой и страшное, а более всего – *спасительно-роковое!*

Хоть и правильно было сказано, что в вере Христовой нет ни эллина, ни иудея, стало быть и русского, но так ведь то ж в вере, а не в реальной жизни, в которой, пусть и пронизанной той или иной верой, находится место и эллину, и иудею, и русскому, мало того, не замечено, чтобы любой из верующих во Христа или того же Магомета этносов отрекался от себя как от этно-культурного феномена, более того, ничто не мешает единоверцам враждовать между собой как раз по этно-культурному критерию, как и по тому же критерию объединяться, особенно в случае опасности, в единое целое.

И хотя русские по большей части стались православными, это не значит, что между русскими и православными надо ставить знак равенства, а если уж ставить сей знак в связи с рускостью, то исключительно, по Ю. М. Осипову, *между русским и ... русским!*

2003 г. Статья Ю. М. Осипова в газете «Завтра» с неожиданно-дерзким на тот момент названием *«Русский мир и я нём – русский!»*. Это когда говорить о чём-либо русском в лояльном позитиве было либо неуместно, либо неприлично, либо попросту глупо, а для говорившего и репутационно-карьерно весьма рискованно. Однако (Sic!) *сказал*, аж в 2003-ем *сказал*, хоть и раньше тоже говорил, хотя бы в той же своей *«Российской реформации»* (1994), да вот снова, уже в нулевых, заговорил, чуя нарастающую не просто оппозицию рускости и русскому миру, а всё более становившуюся явной, откровенной и неприглядной ненависть ко всему русскому, а заодно и к России, хоть и бывшей тогда в образе вроде бы подчёркнуто лояльной ко всему нерусско-нероссийскому контексту и с усердием и спешно переделываемой под Запад Российской Федерации, та самая ненависть, получившая через непродолжительное время достойное себя именование *русофобии*.

Родилось со временем, уже в разгоревшуюся войну Запада, если не полумира, с Россией-РФ, и подходящее под человеконенавистническую ситуацию сравнение уже гонимых «просвещённым человечеством» «диких русских» с ещё совсем недавно гонимыми тем же «просвещённым человечеством», пусть и вроде бы не «дикими», евреями, а русофобии с юдофобией: русские, мол, заняли ныне место евреев! Оставляя сие мудрое заключение

в когнитиве его авторов, нельзя не отметить факт появления ещё в 2000 г. в «*Независимой газете*» любопытного провидческого текста на сию тему, написанного одним известнейшим учёным и политическим деятелем, под названием «*Русский холокост*», на что Ю. М. Осипов откликнулся своим текстом «*Русский вопрос*», правда аж в 2014 г., где, признавая неприятие русского мира и давление на него извне, как и стремление его уничтожить, посетовал и на наличие поразительного умения русских устраивать самим же себе неугасаемый во времени свой собственный «холокост» – что есть, то есть: Преисподняя и Небеса в России ведь в одном, что называется, флаконе!

Быть вполне и до конца русским совсем не просто, точнее, и невозможно, почти невозможно, а то и совсем невозможно, однако приходится, а магическую силу *быть* даёт не только пример преданных Родине предков, что из коренных русских, что когда-то к русскому миру примкнувших (обрусевших), не только священное для русских этно-историческое Предание, она же и Традиция, а и, что объяснимо лишь в трансцендентном русле, то бишь ... вовсе и не объяснимо, но что всё-таки ... принимаемо, а именно – *Тайной*, однако не вообще сакральной тайной Бытия, Мироздания, Жизни, Софии, Бога, самого человека, а столь же сакральной особенной тайной – *Тайной Руси-России*, да не так посредством ясного осознания сей Тайны, а ... э-э ... как бы само собой, почти что и неосознанно, интуитивно, трансцендентно, ибо быть русским – быть с тайной и в Тайне, мало того – и самому быть *тайной*, отчего и быть неопределённым, вибрирующим, разным, крайним, неуловимым, непонятным, да ладно бы для других, а и для себя самого тоже, а главное – нести кое-какое неизвестное, но явно сакральное, бремя, трудясь, творя и вытворяя, сражаясь, терпя лишения, жертвуясь, подчиняясь, перенося беды, выстаивая, бунтуя, беснуясь, в общем – то ли живя, то ли всего лишь переживая, а то и не живя, а так ... экзистенциально по жизни перебиваясь.

Отчего и, раскрывая загадочную русскость, написал в 2007 г. тезисы «*О русскости*», в 2012 г. развил русскую тему, подготовив и опубликовав текст «*Русские из истории, в современности и для будущего*», а в 2015 г. подтвердил своё особое русское мнение о

русскости, русских и себе самом в беседе с одним из российских писателей, опубликованной в электронном литературном коллаидере и названной «*Русские мы, и никакие другие*».

Худо-бедно, но в стране заговорили-таки, правда, уже с явно развернувшейся экзистенциально-эсхатогенной войной за существование и за будущее, причём заговорили вполне открыто, озабоченно, даже и по-честному, пусть и в ответ на яростную русофобию, на дружное отвержение России-РФ, попытку её изоляции и удушения (гуманисты ведь вокруг!), но таки заговорили, особенно по случаю вдруг случившейся в стране частичной военной мобилизации, а ведь тогда-то, ещё в нулевые и даже в девяностые, приходилось-то говорить мало что заблаговременно, так ещё и в обстоятельствах ладно бы внешнего неприятия России, русскости, русского мира, а то ведь и внутреннего происхождения ко всему русскому небрежения, высокомерно проявляемого обуянными помрачением и беспамятством доморощенными любителями собственного национального «холокоста», а по-нашему – *суицида!*

Уделяя пристальное внимание современной, уже XXI века, следственно, пореформенной, то бишь вышедшей из 1990-х, России в образе Российской Федерации, активно приспособляемой тоже вышедшей из 1990-х властью к глобо-прозападному бытию, руководимый Ю.М. Осиповым Центр общественных наук вкупе с возникшим вокруг него учёным сообществом провёл на базе МГУ совместно и под эгидой Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации ряд научно-практических конференций – *Малых университетских форумов*, в задачу которых входило концептуальное осмысление социо-хозяйственного развития страны и возможностей её движения по органичному её природе и истории пути – не только суверенному, самостоятельному и самобытному, но и соборному, великодержавному, имперскому. Выработанные рекомендательные итоги форумов доводились через посредство Совета Федерации до высших правительственных инстанций, включая и президентскую. Тем самым форумы подтверждали не только идейно-концептуальное, но и вполне себе практическое значение философии хозяйства, как и софийного мировоззрения.

Уникальный то был случай взаимосвязи учёной мировоззренческой мысли с социо-хозяйственной практикой государства, что имело-таки фактическое подтверждение, – пусть и не во всём, вовсе и не афишированно, не всегда и оперативно, а лишь через какое-то время, – в идейно-политических демаршах и практических действиях высшей власти. Чтобы убедиться в этом, достаточно повнимательнее взглянуть на проблематику форумов и отнести её с реальностью в стране происходившем и ныне происходящем. На сугубо гуманитарных форумах не поднимались, разумеется, вопросы безопасности, обороны, армии, оборонной сферы производства или того же освоения Арктики, зато поднимались другие, остро актуальные и крайне судьбоносные для страны проблемы социального, хозяйственного, политического порядка, которые только и могли поднимать патриотически настроенные гуманитарии-концептуалисты, руководствуясь известным девизом: **«Кто, если не мы?»**

2004 г. Первый форум *«Глобальное и национальное в экономике»*.

2005 г. Второй форум: *«Россия – великая держава (вызовы современности и поиски перспективного россиеведения)»*.

2007 г. Третий форум: *«Россия сосредоточивается: воля к жизни и процветанию»*.

2008 г. Четвёртый форум: *«Национальная элита – судьба России»*.

2009 г. Пятый форум: *«Российское перестроение: политика, экономика, общество»*

2013 г. Шестой форум: *«Международное воспроизводственное обустройство евразийского (постсоветского) пространства: экономика и политика»*.

Разве не в ногу с актуальным временем, разве не в интересах России, как раз той самой, что в веках и которая в подоснове нынешней Российской Федерации? А что же всё-таки конкретнее: да всего лишь **экзистенциальная национализация** (тезис Ю. М. Осипова) России, её государства, её элиты, её политики, её экономики и финансов, её образования, её будущего наконец, да не просто национализация России, а и её **россиезация** (тезис Ю.

М. Осипова). Что тут несуразного, ненужного, несбыточного, фантазийного, утопического? Ничего! И сама реальность всё это, тогда лишь проговаривавшееся, подтвердила, пусть и не сразу, и не без влияния свершившейся-таки конфронтации с Западом, и с разгорающейся войной с ним, но ведь подтвердила же, причём прямо с момента знаменитой мюнхенской речи российского президента в 2008 г. Она – реальность – заставила вспомнить о великодержавии России, её имперскости; алкать былой всесторонней суверенности; обратиться к традиции; воззвать к патриотизму; сосредоточиться на своём, на родном, на российском, на русском; обратить настороженное внимание на весь всемирный геостратегический контекст; изобличить Запад с его колониально-вассальческим глобализмом; а главное – повести-таки *социально-хозяйственное перестроение* (тезис Ю. М. Осипова), как раз то самое – на марше, с ходу, без разрушения и нуллификации всего и вся, конструктивно, почти и по-сталински!

Да, России, её гражданам-патриотам нужна победа, однако не так над определившимся врагом, хоть это и важно, как *над самими собою*, отчего нужны *перемены, перемены и перемены!* Не будучи ни астрологом, ни шаманом, ни даже великим математиком, Ю. М. Осипов публично указывал на надвигающуюся войну Запада с Россией уже с середины 2010-х гг., как и указывал на необходимость всесторонней мобилизации, вовсе ещё не сугубо армейской, а всего лишь гражданской: власти, государства, нации, системы управления, интеллекта, образования, воспитания, хозяйства, экономики, в общем – по всему экзистенциальному кругу-фронту. Не делали всего необходимого тогда – по своей воле, делаем теперь – уже по воле жгучих обстоятельств, а на метафизическом уровне – по воле Великой Неизвестности и Иного, по воле Софии, а то и самого Господа Бога!

Однако, была и весьма проявлялась в то время *учёная воля*, хоть и не близкая физически к высшим центрам принятия судьбоносных для страны решений, но зато метафизически близкая к пониманию возникавших в мире и в самой России (РФ) социо-политико-хозяйственных ситуаций, включая и всё, не сильно тогда в глаза бросавшееся, что как раз и подтверждало тот в общем-то

несомненный факт, что *концептуализм эзотерико-метафизического разряда* – сила, причём сила большая, ещё и провидческая, отчего, пожалуй что, и главная!

Война таки ударила в набат, воззавший к *переменам, к перестроению, к победе над самими собою*, хотя в тот же самый набат, пусть и не так громко, как война, загодя били и учёные-концептуалисты, да не один десяток лет били, причём нельзя сказать, что совсем не были услышаны – *были*, да вот зависимая от Запада (США) и его (их) глобализма внутристрановая практика не слишком реагировала, а то и вообще не реагировала, на вовсе не абстрактно-сценический, а вполне конкретно-деловой *зов* отечественного, подотчётного Родине, вполне себе и в смысло-существенном плане передового, *концептуализма*, немало ушедшего от западного сокровенно-масонского и восточного сокровенно-учительского (от гуру, от мудрецов) концептуализмов, если, по скромности, пусть и не вперёд, то уж, по уверенности в себе, в *свою* сторону, аккурат по *своей* столбовой дорожке.

Да-а, перемены в эпоху Перемен, – и никак иначе!

ПЕРЕМЕНЫ!

Какие же и почему именно такие?

Вообще-то как раз во многом те самые, что, пусть и не очень решительно и системно, стали-таки осуществляться в стране под давлением войны и той же мобилизации, вскрывшими неготовность и неспособность пореформенной страны и её пореформенной армии успешно вести достаточно «упёртую» и не ограниченную ни в сроках, ни в жёсткости, ни в принципах войну, а не всего лишь локально-краткосрочные экспедиционного характера войсковые действия, а также в связи с императивно санкционированным из-за рубежа бегством из страны иностранного капитала, что ясно обнажило решётчатую «дырчатость» отечественного производительного пространства и непозволительную слабость промышленного потенциала, включая и «оборонку», что как раз и было следствием нарочитой, безумной и предательской деиндустриализации страны в ходе антироссийских «рыночных», а по сути-то просто геовестоглобалических, реформ.

Однако пока в наличии лишь не более, чем слабое утешение: высшее правление, всё ещё, видно, ориентированное на сохранение, пусть и в изменённом виде, с таким «трудом» достигнутое Реформой, в особенности, капитало-вестернизацию страны, как и верное своей анонимно-потаённой манере во многом имитационного по стилю и плодам управления, не извещает страну не то что о намерении изменить коренным образом модель социума и хозяйства, что как раз и означало бы разворот от прозападного реформизма к **российскому постреформизму** (термин Ю. М. Осипова), что то же самое от Запада и даже Востока к собственно России с органичной ей социальной, политической, хозяйственной, межэтнической и даже военной *соборностью* – СОБОРНОСТЬЮ!, но даже не извещает страну о действующей в ней социально-хозяйственной модели вкупе с её стратегическими перспективами (народ российский, кстати, так и не дождался обращённой к нему «Мюнхенской речи», разумеется, по факту уже «Московской»!)

А ведь иного, кроме соборного, следственно, и народного, выхода из большого экзистенциального кризиса-тупика, которым ныне тяготится Россия, для глубинно и сакрально имперски обусловленной России попросту нет!

Заключение, надо особо заметить, не сегодняшнего дня, а вполне себе уже ушедшего в прошлое тридцатилетней давности дня, что не мешает сему заключению оставаться суперактуальным и сегодня, но, увы, не в полной мере операциональным, ибо движение страны в соответствии с ним обусловлено прежде всего *переменами* – ПЕРЕМЕНАМИ!, скажем так, в *субъектно-субъективной национально-пусковой платформе*, ныне ориентированной более всего на сохранение себя во власти, на консервацию и умножение своих материально-финансовых обретений и сбережение своих житейских привилегий, да ещё и маниакально вовлечённой в спасительное, как ей кажется, развитие «искусственного интеллекта» с приспособлением к нему, если не впечатыванием в него, перспективного-де людского потенциала, как и всей жизнеотправительно-управленческой системы страны.

А вот на земно-космическом поле нынешней экзистенциально-межмировой брани, продолжая почему-то (или зачем-то)

инерционно подыгрывать первопрородческому западному аналогу, сия платформа менее всего занята *себя* и всей *страновой экзистенции* преобразованием на *гуманитарно-праведной соборной основе*, – и не так потому, что не хочет, хоть это и есть, а ... *не может*, отчего и не идущей со свободой, желанием и страстью по широкой преобразовательной дороге, за исключением вынужденных частичных мер и камуфляжной мифотворческой имитации, как уже бывало не раз в многострадальной истории России в преддверии и в ходе тотальных социо-хозяйственных катаклизмов, когда масштабно менять было остро надо, а действенных мер, как водится в России, со стороны *авторитарного самовластия* не было (примеров рокового сочетания бездействия верха с не менее роковым благодушием «службы» и столь же роковой оцепенелостью масс приводить не надо: последний перестроечно-реформный «казус» ещё на языке и на слуху у современников).

Да, имперская Россия нуждается в наличии в стране, а её народ сие наличие признаёт, сильного централизованного государства и весьма авторитарной власти (иначе, увы, нельзя, что и доказывает реальная история Руси-России), однако ... всё-таки *соборных* (!) государства и власти, что в реальности так или иначе довольно проявляется в моменты роковой для судеб страны внешней опасности, когда как-то само собой возникает соборное единение власти и народа, но что в обычной (безопасной) реальности как-то, тоже само собой, умалывается и исчезает, вызывая как общую социально-политическую беспечность, так и протестное со стороны части населения напряжение с сопровождающими его охранительно-карательными мерами власти, отчего ежели, с одной стороны, есть потребность в соборности, а с другой – существует необходимость авторитарности, то, конечно же, *соборной авторитарности*, или же *авторитарного народовластия*, чего достичь вроде бы можно, но, увы, почти что и нереально (разум здесь почему-то непременно отказывает!), а ежели что из этого вдруг иной раз и получается, то, увы, ненадолго, как это случилось с тем же советско-сталинским устройением социума (обратим внимание: повсеместные советы с Верховным советом во главе, партия трудящихся с её съездами и пленумами ЦК – *соборность*, пусть и напряжённо-силовая!)

Никак не призывая к возврату к сталинизму, что попросту невозможно, да сейчас и не нужно, Ю. М. Осипов лишь обращает внимание на всё более заявляющую о себе потребность укрепления доверительно-эффективной связи между народом и властью посредством, с одной стороны, отхода от заимствованных извне эталонов социально-политической организации социума, а с другой – расширения народного представительства во власти, к примеру, через периодически собираемое *Народное (национальное) вече*, избирающее главу государства (или подтверждающее его полномочия), утверждающее правительство, дающее оценку текущего положения страны и определяющее её стратегические перспективы.

Да, вполне себе наивные чаяния, рекомендации, призывы: текущая на глазах реальность предпочитает *иные* разрешения – даже вроде бы и разумные, да вот есть ещё *иная реальность*, тоже текущая, да вот как-то не на глазах и не слишком заметно текущая, и она ведь тоже творит бытие-историю, пусть уже и вроде бы не слишком разумно – для текущего правления, зато творит непреклонно, как водится, с непредвиденными для текущего правления следствиями.

У самодостаточной учёной среды хватает терпения и настойчивости снова и снова повторять (почти что и как заклинание): **«Перемены, перемены, перемены!»**, да не какие-нибудь, а ведущие к действительно суверенной и самодостаточной жизнеспособности уникальной, при этом и не закрытой наглухо от внешнего контекста, вполне себе и сакрально миромиссийной, страны.

Без перемен в ЭПОХУ ПЕРЕМЕН (!) бывает, может, и комфортно, и сытно, и сладко, пусть и не всем именно так и не всем одинаково, но *беспеременье* (читай, что и *безвремяе*) бывает роковым образом беременно каким-нибудь жутким апокалиптическим катаклизмом: сначала большой социо-хозяйственной катастрофой, а затем, если повезёт уцелеть, уже *такими* (!) чрезвычайно-поправительными переменами, что *сие переменье*, восстанавливающее жизнеспособное время, никому из охваченного им людства ни малым, ни приятным, ни запросто переносимым обычно почему-то не кажется!

Отсюда и они, – не лишённые исторически и актуально обоснованной тревоги за судьбу страны, – учёные деяния, осуществляемые, так уж повелось с некоторых, уже давних, пор, под эгидой *Центра общественных наук при МГУ, Философско-экономического учёного собрания и Академии философии хозяйства* при самоотверженном деловом участии сначала (с 1988 по 2000 гг.) *лаборатории сравнительного анализа хозяйственных механизмов*, а затем (с 2000 г.) *лаборатории философии хозяйства экономического факультета МГУ*, разумеется, не все деяния, а лишь некоторые, наиболее, пожалуй, показательные и значимые.

Вот те же крупные научные и научно-публицистические форумы (конференции, симпозиумы, дискуссии международного и всероссийского уровней, исключая ранее упомянутые Малые университетские форумы): *«Россия в актуальном времени-пространстве»* (1999); *«Перспективы социализма в России»* (2000); *«Россия и Постмодерн: социум, экономика, культура»* (2003); *«Новый мир и новая имперскость»* (2004); *«Российский бизнес: становление и развитие»* (2007); *«Феномен власти в сонме реальных измерений: общество, экономика, культура, идеология ... что ещё?»* (2007); *«Становление новой России: социум, хозяйство, культура»* (2008); *«Кризис как императив обновления России: социум, хозяйство, культура»* (2009); *«Российская экономика: от кризиса к модернизации»* (2010); *«Мобилизационный потенциал для инновационного развития национальной экономики»* (2010); *«Наноиндустриализация в России и в мире: экономические и социальные аспекты»* (2019); *«Самоутверждение России: социум, экономика, политика»* (2010); *«Теория и практика модернизации в России»* (2011); *«Новая индустриализация и инновационное развитие России»* (2012); *«Россия в новом политико-экономическом цикле»* (2012); *«Постреформизм на службе России: вырыв к развитию»* (2012); *«Украина и Россия, Россия и Украина: особенность, общность и совместность. Экзистенциальная историческая драма»* (2013); *«Российский антикризис: потребность, препятствия, исходы (социум, государство, экономика, культура)»* (2014); *«Социум и экономика России в новой мировой обстановке»* (2015); *«Национальный дирижизм как средство преодоления кризиса»*

российской экономики и её развития» (2015); «Российское системное перестроение как стратегическая неизбежность: неоэкономика, неоиндустриализация, неодирижизм» (2016); «Россия на пути к России: концептуальный поиск и хозяйственная стратегия» (2017); «Российский миттельшпиль: политика, экономика, технологика, геостратегия» (2018); «Россия в перекрестье актуальных напряжений: социум, экономика, технос» (2019); «Россия в координатах ударных перемен: социум, экономика, технологика» (2019); «Рассеянные будни пореформенной России: ожидания, миражи, реалии» (2020); «Россия в переделье: цивилизация, техногенез, экономика» (2020); «Экономика в среде хозяйства: от экономического либерализма к хозяйственному дирижизму» (2021); «Россия под натиском новых реалий: цивилизация, социум, хозяйство» (2021); «Государство и национальное хозяйство: неразлучность и мера» (2022); «Суверенная Россия во взбунтовавшемся мире: экономика, технологика, культура» (2022).

А вот монографические коллективные публикации: *«Экономическая свобода и социализм» (1991); «Государственная власть и предприятие: от команды к партнёрству» (1991); «Основы предпринимательского дела. Благородный бизнес» (1992); «Переходы и катастрофы. Опыт социально-экономического анализа» (1994); Серия из 6 выпусков: «Шансы российской экономики» (1996-1997); «Россия в актуальном времени-пространстве» (2000); «Техно-экономическая динамика России» (2000); «Современная Россия и социализм (опыт непредвзятой дискуссии) (2000); «Актуальная Россия (вопросы экономической теории и практики). В 2-х кн.» (2000); «От Сциллы к Харибде. Актуальный опыт России. В 2-х томах» (2002); «Неуёмная Россия. В 2-х томах» (2003); «Россия перед лицом глобализации» (2004); «Постмодерновый мир и Россия» (2004); «Юг России в перекрестье напряжений. В 2-х частях» (2004); «Имперские предчувствия России» (2005); «Россия державная. В 2-х томах» (2006); «Россия – великая держава!» (2006); «Постмодерновые реалии России» (2007); «Российское обновление» (2007); «Россия как цивилизация денег» (2008); «Россия в час ожидания: идеология, политика, экономика» (2008); «Национальная элита – судьба России» (2009); «Современная Россия*

– *бремя перемен*» (2009); *«Перестроение России. В 2-х томах»* (2010); *«Российское перестроение: социум, политика, экономика»* (2010); *«Мобилизационный потенциал национальной экономики»* (2010); *«Финансово-хозяйственные инновационные инициативы»* (2012); *«Постреформизм и развитие»* (2013); *«Неодирижизм и модернизация российской экономики»* (2014); *«Евразийская интеграция»* (2014); *«Современность: хозяйственные алгоритмы и практики»* (2016); *«Россия на пути к России : концептуальный поиск и хозяйственная стратегия»* (2018); *«Россия: вибрирующие горизонты»* (2019); *«Россия в игре: страна и мир»* (2019); *«Россия под переменами»* (2020); *«Российский разворот»* (2020).

Не обошлось и без обращения к истории экономической мысли России, в связи с чем возникла серия *«Российская экономическая мысль»* (РЭМ), в которую вошли работы русских экономистов пореформенного для XIX-XX вв. периода: И. К. Бабст. *Избранные труды* (1999); В. П. Безобразов. *Избранные труды* (2001); *«История экономической мысли России: В. В. Святловский, М. И. Туган-Барановский, В. Я Железнов»* (2002); И. М. Кулишер. *«История русского народного хозяйства»*. (2004); И. И. Янжул. *Избранные труды* (2005); а также знаменитый труд перого провозвестника капитализма в России И. Т. Посошкова *«Книга о скудости и богатстве»* (2003).

А ещё была попытка, весьма и продуктивная, создать *«Энциклопедию философии хозяйства»* (ЭФХ), для которой было написано с львиной долей осиповских текстов полторы сотни статей, да, как водится, сил на всё не хватило, так и осталась энциклопедия незавершённой, удовольствовавшись публикацией совсем даже не заурядных статей в журнале *«Философия хозяйства»* за нулевые годы XXI века. В «незавершёнках» тоже ведь есть свой сакральный смысл: да, проект не был завершён, но он таки был, он есть, более чем наполовину реализован и, самое главное, вовсе ещё не закрыт!

А вот и названия некоторых осиповских текстов, актуальных тогда, в моменты их написания и публикаций, и ещё более актуальных сегодня – в экзистенциально критический для России исторический момент: *«Россия сегодня: кризис от преобразований и преобразование кризиса»* (1999); *«И тьма над бездной!»* (2000);

«Россия в нави» (2001); «Россия и XXI век» (2002); «Россия в пути» (2002); «Русская имперскость» (2003); «Постмодерн, Россия и империя» (2003); «Изыски Постмодерна и искания России» (2004); «Россия и Постмодерн: кто первый?» (2004); «Имперское хозяйство» (2005); «Инновационный мир растерянной России» (2005); «Неуловимые стратегии России» (2005); «Перевод российского хозяйства на инновационно-интенсивный путь развития – имперская сверхзадача» (2006); «Россия в глобализующемся мире» (2006); «Национализация России» (2007); «О власти российской» (2007); «Не союзное государство, а межгосударственный союз» (2008); «Россия в ожидании очередного чуда» (2008); «Становление новой России» (2008); «Россия: стратегия в эпоху перемен» (2008); «Российское перестроение как неизбежная актуальность» (2009); «Россия: призрак неомодернизации» (2010); «Социо-хозяйственная модернизация как момент реконструкции» (2011); «Российский вызов развитию России» (2013); «Постреформизм в угоду России» (2013); «Из западни (к вопросу о вырыве России к развитию)» (2014); «Россия и мир: время перемен» (2014); «Россия и мир: бремя перемен» (2014); «Российский антикризис как насущная актуальность» (2014); «Русская рулетка» (2015); «О концепте России (актуализация концептуального управления в Российской Федерации)» (2015); «Становящаяся Россия в изменяющемся мире» (2016); «К постреформенному неодирижистскому перестроению национального хозяйства России» (2016); «Российское системное перестроение как стратегическая неизбежность: неоэкономика, неоиндустриализация, неодирижизм» (2017); «Россия на пути к России» (2017); «**Я – революциЯ!**» (2017); «Большая игра – российский миттельшпиль – русская рулетка» (2018); «Россия как Россия, или Россия в России» (2019); «Российский разворот: от не-России к России и от цифромании к человеку» (2019); «В ожидании разворота» (2020); «Под ударными переменами» (2020); «Россия в переделье» (2020).

Обращает на себя внимание работа-размышление Ю. М. Осипова «**Я – революциЯ!**», подготовленная по случаю столетней годовщины Великой революции, состоявшейся в России в 1917 г. Претенциозное название 80-ти страничной брошюры снабжено

не менее претенциозным подзаголовком «1917 – 2017: сто лет Российской революции – столетие Российских революций». На обложке портреты Николая II, Керенского, Троцкого, Сталина, Горбачёва, Ельцина и Путина, а также скульптурное изображение Ленина, запечатлённого с поднятой левой рукой в момент его зажигательной речи с броневика на площади перед Финляндским вокзалом.

РЕВОЛЮЦИЯ!

Которая тенденциозно и практически бытует в России куда как загодя 1917 г. (почитай хоть со Смуты, хоть с Петра I), а в 1917-ом лишь вспыхнула жарким испепеляющим пламенем, и, хоть и затухая на какое-то время, продолжает себе гореть и гореть до сих пор, вовсе при этом и не по-бенгальски!

Россия и Революция, Революция и Россия!

История!

Революция, сопровождаемая, разумеется, не только той или иной *контр*-революцией, но и умиривающей разгулявшиеся страсти, укрощающей вырывающееся на простор безумие, преодолевающей разгул адского хаоса и унимающей разыгравшуюся апокалиптику *анти*-революцией: тут всё вместе и сразу, всё вперемешку – в жутком социо-хозяйственном котле, однако, что важно, с *переменами*, – то бурными, неопределёнными, апокалиптическими, то размеренными, упорядочивающими, апокастатическими – но при этом не только не слишком соответствующими любому революционному первопроекту, но и идущими более всего как-то само собой под настойчивым натиском экзистенциальных обстоятельств, отчего в итогах выходит и впрямь что-то *новое*, однако более всего *по-своему* новое, чем в соответствии с заранее замысленным, в общем – всегда в реалиях вылезает на поверхность что-то *иное*!

Что же касается многовековой тяжбы России с Революцией, как и столетней с 1917 г. протяжённости р-революционного выворотного-перевыворотного бытия России (Российской империи, СССР, Российской Федерации), то обусловлено это, по Ю. М. Осипову, более всего противоборством, с одной стороны, модернизированной

и постмодернизирующей и относительно России алчной, как и во многом сатанической, *антиРоссии*, и, с другой стороны, модернизирующей, но при этом антипостмодернизационной, хоть и не лишённой сатанических черт, *России как России*, причём противоборством неизбежным и для летящего вперёд зёмного бытия необходимым, что находит, кстати, реализацию и в разыгравшейся тоже ведь р-революционной по сути нынешней войне Запада против России.

Мир земно-человеческий уже давно р-революционно колбасится, что как раз и есть МИРОВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ!, – и Россия вместе с миром тоже р-революционно колбасится, провоцируемая *сеюмирным* модернизационным проектом и удерживаемая в гуще сего проекта *своим* – уже *иномирным* – проектом, самой России доподлинно вовсе и не известным. И сколько времени придётся зёмному миру в России так вот р-революционно колбасится, к какому итогу, кроме эсхатологически конечного, удастся прийти (прибыть, прискакать, приползти!), никто из зёмных смертных, конечно же, не знает, а вот колбаситься миру, включая Россию, очень даже ещё попридётся (*колбасение* – чем не термин для уже немало стёршейся смысловó философии или же активно самоисчезающей в сути своей гуманитарной науки!)

Цель – ничто, движение – всё!

Относительно нынешней в стране ситуации уместно лишь кратко, согласно с позицией Ю. М. Осипова, подытожить: 1) страна ныне аки оксюморон, противоестественно составленный в итоге немислимых реформ 1990-2000-х гг., во-первых, из глубинной России, которая никуда не делась и деться насовсем никуда не может, и, во-вторых, из поверхностной – вестернизированной и глобализированной – Российской Федерации; 2) страна с адекватным традиции русо-российским народом и противостоящей ему, неизвестно откуда, хоть и известно как, взявшейся, и в диссонанс с заветами Петра Великого низжайше прозападной – владетельной и управляющей – элитой, оснащённой на всякий пожарный случай псевдо-пророссийской, отчего и «тишайшей», системой власти и по сути не особенно гласным, хоть и вполне себе диктатным, механизмом управления; 3) страна с бьющейся в

недоумении и отчаянии словно рыба в сачке об антинациональную заграду «оптимизационно-эффективной»-де организации сферы науки и образования реально-таки пророссийской, пусть кому-то и кажущейся маргинальной и ненужной, гуманитарной мыслью; 4) страна с неопределённым и крайне неловко скроенным настоящим, немало и антироссийским, и полным эсхатологического риска всё-ещё-не-российским в основе и на перспективу будущим.

Однако это не всё: есть ещё в стране и пробивающаяся через упакованную прозападной, антироссийской и антимировской реформой псевдореальность *действительно пророссийская*, а не имитационно-ложно-российская, *объективная реальность*, как раз всего более и соответствующая концептуальному провиденциализму пророссийски настроенных учёных-гуманитариев. И эта объективная реальность вздымается, самосотворяясь, наперекор всему ей яростно враждебному, под натиском непреклонных обстоятельств, через вершащийся в мире *кризис мира* (тезис Ю. М. Осипова) и ту же разгорающуюся *мировую войну*, а ежели что, то и через вполне возможную мягкую или жёсткую – всё равно какую! – *катастрофу*, под давлением Великой Неизвестности и Иного, по Божиему промыслительному произволению, согласно трансцендентальному проекту «РОССИЯ»!

Россию как Россию не устранить, не отстранить, не остановить, как и не переделать в *не-Россию*, не то что в *анти-Россию*; России не привыкать бытовать в симбиозе с *не-Россией* и *анти-Россией*, отчего эти спутницы ей не страшны, хотя и могут на срок чуть ли не брать верх над Россией; Россия всегда восстанавливается, упрямо возвращаясь к себе, пусть пока и не вполне – до сакрального срока!; горе идущим против России, как и не адекватным ей временщикам-превратителям, а уж о предателях, врагах и губителях и говорить не приходится; Россия – *прорва*, она в контакте с Бездной, в союзе с Преисподней, в согласии с Адом, отчего у неё всегда в достатке способности, сил и искушения поглотить в своей бездонной пучине любые головы – что те, что эти, кстати, не без вольного или невольного пособления извне, где тоже хватает на то жадной до российских жертв inferнальности; Россия давно уже что айсберг, погруженный своей базисной частью чуть ли не в Навь, а

своей надстроечной частью торчащей весьма ныне и нелепо в Яви, однако бурный исторический поток способен запросто перевернуть грузное российское тело, – вот тогда-то миру и явится подлинная Россия – *Россия как Россия!*, – и когда сие вдруг случится, а когда точно никому доподлинно не известно, а ведь-таки может случиться, да непременно и случится, причём, как водится в истории, сие может произойти прямо завтра, разумеется, как всегда невероятно, внезапно и споро, – а уж *что* и *кто* вдруг тогда станет опрокинутым в Небытие, то сей сакраментальный вопрос само Небытие, которое никогда насовсем не оставляет Бытия, и всегда ко всему бывает наготове, и решит – через посредство Великой Неизвестности и всё того же Великого Иного.

Таков он – *трансцендентальный план-концепт*, он же и *судьбоносный трек*, она же и *карма*, России, чего никому из смертных по воле своей не изменить и уж тем более не отменить, о чём лишь можно не без восторга, разочарования или даже обиды сказать только одно: «*Россия – это Россия!*», как и точно то же можно сказать об *идее России*, *идеологии России*, которые сводятся всё к тому же – к *собственно России*, даже, как видим, всего лишь к одному слову-имени, да вот зато к *какому!*, в котором, аки в сингуляре, всё главное из исходно начального и исходно же конечного, да и из серединного тоже – колебательного, прерывного, головокругительного – и содержится!

Однако ничто не мешает отечественным, да и не только отечественным, учёным и обозревателям, вовсе не обязательно что патриотам, что русофилам, даже и что тем же русофобам, мыслить о России в русле её концепта, её идеи, её идеологии, её кармы, что как раз и демонстрирует Ю. М. Осипов вкупе с ведомым им учёным сообществом, что так или иначе отражено во всех касающихся России его собственных и вкупе с коллегами трудах, а в особенности в ударно-специфическом из них – в коллективной монографии «*Россия и идеология (опыт практического философско-хозяйственного концептуализма)*» (2020), подготовленной и изданной в кульминационный для мира и России-РФ момент, ещё не проявившийся в откровенно-войновской конфронтции Запада с Россией, но к ней упорно и бесповоротно подступавшим.

И тут важен факт подтверждения этим неординарным монографическим коллективным трудом всё *того же*, а именно – сакрального единения всего лишь вроде бы топологического названия страны с её – страны – тайным смысло-идейно-судьботворным ядром, когда в имени исторического феномена (всего лишь номинационном слове) прячется и *вся* концептуально-содержательная этого феномена суть, что, однако, не требует от дознавателей ни литературной, ни нумерологической, ни любого иного оккультного разряда расшифровки словесного номоса (это ничего путного в данном случае не даст, несмотря на красоту самого номинационного слова «Россия» и его литерно-звуковую переключку с «ЭС-ЭС-ЭС-ЭР»), а лишь требует вообразительного соединения единственного номинационного слова со *Словом – Русским Словом*, исходящим беззвучно от самой феноменогенной реальности, что как раз и возымело место в субъектно-субъективном слове Ю. М. Осипова и его коллег, отчего докучливые разговоры об отсутствии-де у России концепта, идеи, идеологии суть не более чем пустые (и очень вредные!) псевдоинтеллектуалистские рассказы.

Ю. М. Осипов – не только академического склада учёный, – что бывший научник-«физик», что философ-метафизик, – обращённый к экономике и хозяйству, социуму и политике, к истекшей истории и текущей современности, а и своеобразный осмыслитель высокой, или тонкой, гуманитарности: культуры, литературы, искусства, однако не в привычно-ведческом ключе, а в необычно-«софском» – философском, мировоззренческом и, как не трудно догадаться, в *софиасофском*, кроме того, будучи сам *литератором*: писателем, критиком, стихотворцем, он осмысливает ту же литературу в её выходящем за пределы самой себя экзистенциональном значении – *литературасофски*, став, можно сказать, адептом, если не зачинателем, философии русской литературы, как, собственно, в той же манере он осмысливает культуру, искусство – *культурасофски*, *искусствасофски*, ту же писаную историю – *историасофски*, причём исходно и по сути *философско-хозяйственно*, выпячивая и оценивая, как это ни странно может звучать для шибко гуманитарно ориентированного сознания, именно *хозяйственную*, то бишь *бытийно-экзистенциальную*, функцию культуры, искусства,

литературы, равным образом и истории как течения мысли с её фактами и их трактовками, всего того, что самодовлеюще, автономно, авторитетно-авторитарно возвышаясь над человеком и его бытием-небытием в виде особого гуманитарного *над-мира* (*сверх-мира*), не просто информационно и досугово сопрягает человека с его бытием-небытием, даже не просто воспитательно-формовочно влияет на человека, а вполне себе, что особенно важно для философии (софиасофии) хозяйства, буквально *делает человека и его бытие-небытие*, определяя при этом не только тенденции и пути их движения в будущее, но и даже предстоящие в будущем эпохальные состояния и судьбоносные события, пожалуй что, и само в целом будущее.

То же государство с его политикой, как и деяния исторических деятелей – великое, бесспорно, нечто, однако, заметим особо, что вроде бы отвлечённые от повседневной суеты слова, идеи, сказы, идеологии, идеалы, трактовки той же истории и текущей современности, любые представляющие и немало замещающие реальное бытие-историю тексты, концепты, проекты, мифы, утопии, одним словом – вроде бы отвлечённое от практических деяний *Слово – СЛОВО!*, всё-таки повеличее, пожалуй, а то и подейственнее, будет, чем та же охранительная, пусть и абсолютно необходимая, функция государства или те же кармические подвиги, пусть и героические, великих фигурантов бытия-истории.

Творческими усилиями Ю. М. Осипова и его коллег были фактически созданы, а ежели уж и не созданы с нуля, то весьма утверждены и развиты, с одной стороны, особое направление осмысления человека и его бытия-небытия, приоритетно полагающее творческую взаимосвязь движения всей историо-экзистенциальной реальности с качественной динамикой гуманитарной (словесно-понятийно-изобразительно-информационной) сферы с акцентом на непреходящее, если не решающее, интенционное влияние этой последней на текущее движение и судьбу человеческого бытия-небытия, а с другой стороны, особого рода холический стиль осмысления бытийно-небытийной реальности, мало что соединивший фактологию с философией (метафизикой), что в общем-то является более или менее обычным делом, но и,

что уже далеко не так тривиально, соединивший метафизику человеческой мысли с *метафизикой самой реальности* (положение Ю. М. Осипова), не пренебрегая при необходимости и *метафизикой сверхреальности* (запредельного), как и вообще всем *трансцендентно-метафизическим*, совершенно осознанно полагая также наличие в создаваемых текстах, что, заметим, корреспондентно самой увязшей в трансцендентности реальности, *того из иного*, то бишь из трансцендентного, что обыкновенно называется «подтекстом», ныне часто именуемым «засловьем» или «затекстьем», то бишь наличие в текстах чего-то скрытого, хоть и нарочно не скрываемого, а возникающего в силу невозможности выразить что-то словом, но при этом мало что сущего, но, как правило, ещё и несущего *главную смысловую нагрузку*.

Всего совершённого Ю. М. Осиповым и его коллегами из, так сказать, области гуманитарного, тут даже бегло и кратко не представить, однако прежде чем на кое-что из разработанного и изданного указать, заметим, что усилиями Ю. М. Осипова и его коллег на свет явилось так или иначе *иное* – ИНОЕ! – *понимание* (трактование) относительно уже имевшегося и по преимуществу задогматизированного понимания (трактования) практически всей *гуманитарности* (понятие Ю. М. Осипова): от самого человека с его сознанием, когнитивом и выплесками мысли, его бытия-истории с великими в нём событиями, переломами, переменами, эпохами, как и незабвенными деятелями, до сонма разных гуманитарно-хозяйственных граней (отраслей) человеческого бытия-истории, таких как культура, искусство, словесность, пусть и не в полном их объёме и не во всех их проявлениях, но без заведомых на то ограничений, как раз так, как само и выходило, включая и, вовсе и не по плано-системному перечню, великих творцов этих граней с их творческим вкладом не так даже в эти самые грани, как в само бытие-историю человека, в его экзистенциально-хозяйственную реальность.

Помимо уже выше упомянутого, – вполне и эпохального значения, – коллективного труда о И. В. Сталине и сталинизме «*Феномен Сталин*» (2003), как и актуальных для переломного времени коллективных работ «*Постигжение Маркса*» (1998) и

обращённой к В. И. Ленину коллективной монографии *«Развитие капитализма в России – сто лет спустя»* (1999) с понятными для российских гуманитариев, воспитанных на марксизме-ленинизме, смысловыми реминисценциями, были подготовлены и увидели свет, – как обычно, по инициативе, под руководством и при авторском участии Ю. М. Осипова, – вполне себе проходящие по разряду шедевров: *«Сущий. К 200-летию А. С. Пушкина»* (1999); *«Ф. М. Достоевский – наш современник»* (2000); *«Последний поэт империи. 120 лет со дня рождения А. А. Блока»* (2001); *«Два Булгакова. Разные судьбы. В двух книгах»*, о Сергее и Михаиле Булгаковых; *«Предтеча. К 250-летию И. Г. Посошкова»* (2003); *«Три лика Ф. Тютчева: дипломат, поэт, мыслитель (к 200-летию со дня рождения)»* (2004); *«Страсти по Толстому. Метафизическая драма великого писателя и мыслителя»* (2005).

Сам Ю. М. Осипов, помимо своих статей в перечисленных выше коллективных монографиях, написал также тексты о Н. В. Гоголе *«Очарованный странник»*, М. Ю. Лермонтове *«Несносный гений»*, И. С. Тургеневе *«Неочарованный странник»*, А. П. Чехове *«Нечаянное зеркало»*, С. А. Есенине *«Убитый русскостью»*, В. В. Маяковском *«Убитый нерусскостью»*, А. М. Горьком *«Таинственный фигурант»*, И. А. Бунине *«Необыкновенный Бунин»*, опубликованные в его большом персональном, разном по жанрам, включая и стихотворный, комплексном манускрипте *«Иное»* (2006), где, подводя итоги своего непредвзятого ни идеологически, ни политически, ни граждански литературософского обзора грандиозного феномена российской и мировой культуры – *русской литературы нового и новейшего времени* (КЛАССИКИ!), опубликовал статью под названием *«Великая трагедия великой литературы»*, в которой осмелился откровенчески утверждать не просто о противоречивой, а и, так уж случилось, в конечном счёте и вредоносной роли в судьбе родной страны и её народа сей высококлассной в лингво-художественном плане литературы – литературы так называемого «критического реализма», мало что выступавшей против самодержавия, имперскости России, устаревшего феодально-сословного её устройства, но и против вымороченного-де дворянства, тёмного-де крестьянства,

самодурственного-де купечества, гнилой-де интеллигенции, против растущего в стране «дикого капитализма», даже и против раздражавшего интеллектуалов (интеллигенцию!) так называемого мещанства, что было, быть может, во многом и справедливо, но что немало, если не в решающей степени, в конце концов и обеспечило вкупе с бездействием, за исключением запоздалого столыпинского всплеска, одряхлевшей, растерянной и оторопевшей от самой себя, как и от невменяемо накатывавшейся на Россию неумолимой катастрофы, власти возвращение и вызволение на свободу *демона революции* – РЕВОЛЮЦИИ!, исходно вскормленного как раз в Европе, а не в России, разумеется, со всеми жуткими для России разрушительно-жертвенными последствиями, отчего автор статьи был вынужден не без горечи сопроводить хорошо затверженную формулу «*Великая русская литература*» другой, уже и не столь лицеприятной, формулой: «*Великая антирусская литература!*»

Так вот и творится она – *история*, творится через посредство культуры, искусства, словесности, идеологии, мало что противоречиво и витиевато, но и с непременным *выворачиванием реальности* и последующим *выворачиванием вывернутого*: невероятно, вопреки здравому рассудку и благим намерениям, стихийно, хаосно, беспечно, насильственно, жестоко, кроваво, жертвенно, в общем – *по-преисподненски*, отчего и вопрос: «Так где же она – *Преисподняя*, уж не здесь ли, прямо на Земле, среди нас, в нас, да и не в той же (не во всей, конечно) культуре с её искусством, словесностью, с её идеологией – как вязко охранительной, так и размашисто диссидентской?».

(Кто знал в России в каком-нибудь 1905, 1910 или 1915 году того же Владимира Ульянова-Ленина с его демонически революционным марксизмом, а вот миролюбца и непротивленца Льва Толстого с его критикой существовавшего в России порядка вещей, как и того же Максима Горького с его злобным поношением российской были, приверженностью Европе и жадной антироссийской революции, знали все из российских и очень многие из европейских, образованных одинаково по-масонски, протестных кругов).

Не здесь ли кроется секрет сталинской, с одной стороны, обращённой к высокой русской классике (не всей, разумеется), а с другой – намеренно целевым образом идеологизированной

и жёстко-цензурной политики в области идеологии, культуры, искусства, словесности, как и не здесь ли прячется ответ на всё происходившее в культурно-литературной среде в послесталинское и, в особенности, перестроечное и реформное, уже и круто антироссийское, время?

Уместно поставить вопрос: «А где или какой же тут выход?», как и уместно ответить на сей вопрос так: «Ответ хоть и есть: *любить просто надо Родину – добрую мать и «мачеху злую», любить здесь и сейчас*, да вот ... что поделать ... *Ад* ведь вокруг, да ладно бы в окружающей обыденной объективности, ан-нет, не только там, но и в людях он, и в той же ноосфере, а ведь сей субъективный Ад покрепче и пострашнее будет объективного, отчего и разбой, и разбросы, и разгромы, и ... и ... та же нынешняя война не так Запада с Россией, как *между одним людским антимиром и другим людским антимиром*, – и лишь в глубине заблудившейся реальности вялая оборонительная борьба *всё-ещё-Мира* с нахраписто зарвавшимся *Антимиром*, да пока что без явно прозреваемого спасительного выхода, который не просто «явится-не явится», а который попросту ... *прорубать надо!*»

И что же тогда получается: всё идёт по безысходному кругу: «*мир – война – мир*», как и «*мир – антимир – мир*», а то и «антимир – мир – антимир», как и «*война – антимир – война*», разве лишь ещё где-то в этих магнетических кругах мелькают перевороты и революции, да и те ведь суть всё та же безумная война? Почему нет, коли так всё и идёт: и *это* всегда было, есть и будет, и *то* всегда было, есть и будет, и война всегда была, есть и будет, и любить мать-Родину всегда будем, и ненавидеть эту «мачеху злую», и сражаться за неё всегда будем, и драться меж собой неизвестно за что, как и сами с собой, тоже будем, а вот доколе! – да ведь до скончания Времён и их растворения в Вечности, приход чего, между прочим, не обойдётся и без рук человеческих, не говоря уж о головах, их умии и безумии, тоже!

Вот такое выходит у человека *экзистенциальное хозяйствование* (понятие-термин Ю. М. Осипова), творящееся не только через материально-производительный, как и вещественно-разрушительный, труд (хотя кто его, заметим на всякий случай,

видел – этот труд – как именно труд?), но и через идейно-словесный труд (которого тоже никто никогда не видел) и тоже ведь труд созидательный и разрушительный, а вкупе – через войновский в широком смысле труд, пусть лишь борческий – всё одно!, достигающий побед и не избегающий поражений, однако анти-Утопно неизменный – как раз, возможно, до выхода человека, упорно чего-то *этакого* бесконечно страждущего, к абсолютной, лишённой души, страсти и крови, мёртвой *Утопии!*

Как литератор и культурософ, да и как софийный идеолог, Ю. М. Осипов, не ограничившись смысло-глубинным проникновением в созданное до него русское литературное слово, сам стал его актуальным творцом, придерживаясь того жанрового направления, как и соответствующего ему стиля изложения, которые он посчитал за *размыслительно-метафизические*, как раз те самые, что изобилуют скрытым смысловым – и *творящим* *смыслы!* – подтекстом (засловьем, затекстьем), что требует от читателей не ознакомительного обозрения, – тем более, наспех и урывками, – явившегося вдруг перед их глазами текста, а мало что неспешно вдумчивого прочтения-постижения, но и непременно проникновения в смысловой *под-текст*, а может, и в *над-текст*, щедрых на мысли, открытия и откровения, что как раз и делает текст не просто возникающим перед глазами, а *рождающимся на глазах*, особенно при новом читательском обращении к уже вроде бы освоенному тексту.

Да, можно сие литературное, если не недо-полу-пара-квази, а то и сверх-литературное, творчество посчитать всего лишь за беллетризованное философствование, что, быть может, не так уж и далеко от истины, однако с тем важным уточнением, что главным действующим лицом в сем философствовании является не только не беллетристическая фантазия автора, даже и не авторские философические откровения, а ... *сама реальность*, как раз всю и *философствующая*, вполне *сама* и вполне *откровенчески*.

Главный герой осиповской словесности – *реальность* – РЕАЛЬНОСТЬ!, которая вовсе не сводится к нейтральному онтологическому присутствию в ожидании гносеологического себя со стороны человека освидетельствования, а, принимая, корректируя

или вовсе не принимая субъектно-субъективные на себя воздействия, как и по-своему реагируя на интенции как заметных человеку, так ему вовсе и не заметных, объективных – внешних и внутренних – сил, обстоятельств и процессов, думает, решает, действует, верша это, разумеется, трансцендентно-метафизически, отчего в задачу автора вольного и литературного по стилю философического текста входит быть в резонансе с реальностью, улавливая и переводя на доступный язык сокрытый в реальности имманентный ей, как раз по-своему и философический, текст.

Искрящийся тут контакт сонма текстов: как частично приоткрытых, смутно различаемых и трансцендентно потаённых текстов реальности, так и им внемлющего размыслительного, немало тоже поначалу и смутного, и потаённого, вовсе ещё и не выраженного в вибрирующих от смысла-бессмыслия чеканных словах, как и в общем-то вполне себе тоже трансцендентного, текста мыслителя, наконец, уже по завершении писания, пусть и не особенно чеканно в словах оформленного, собственно литературно-философического авторского текста.

У Ю. М. Осипова хватает философско-литературных текстов разных форм, сюжетов и стилей: очерков, эссе, монологов, диалогов, переписок, дневниковых записей, стихов, фантазий, собраний мыслей и афоризмов, но при этом и вполне себе художественных текстов, им намеренно, не без какой-то рабочей пользы и «умной» цели, творимых, а среди стихов есть не только стихийно возникающие лично-лирические, а и заданно сделанные эпопейно-балладные, – что из того?

Конкретные тексты собраны в книги, можно сказать, что и фолианты: уже упоминавшееся *«Иное»* (2006); далее, *«Реквием. Роман о романе или роман с романом. Метафизическая проза»* (2010), изданная под псевдонимом Юр. Михайлов; *«Блики и срезы. Невразумительное чтиво, или Книга ни о чём и ни для кого»* (2015), тоже изданная под псевдонимом Юр. Михайлов; как и явленные под тем же псевдонимом недавние (ковидного безвременья) опусы: *«Отшельник, или Вестник не от мира сего. Антироман. Иное об Ином»* (2021) и *«Обнажение. Исповедь учёного странника. Сказание вперемешку со сказкой»* (2022); ну и сие не без труда

дающееся автору произведение «*Страда. Непокорный автоопус. О себе самом – от себя и со стороны*» (2023).

Да, это книги в той или иной мере книги-конгломераты, что не значит, что в каждой из них нет каких-то сквозняком их пронизывающих содержательных мотивов, – они, эти мотивы, всегда есть, как и есть под каждой книгой своя потаённая замысло-смысловая подоплёка, как и есть вдруг взлетающий над книгой её – книги – собственный идейно-смысловой выплеск, но при этом зато есть и возможность читать сии книги с любого их раздела, более того, с любой страницы и ... *не прогадать!*

Обо всех этих весьма своеобразных произведениях не рассказать, однако на одном из них нельзя не остановить внимания – как раз на «*Реквием*» (2010), причём вполне себе и пристального внимания, ибо, во-первых, написано это произведение о *вековой эпохе перемен*, да не чьей-то, где-то и когда-то бывшей, а вполне себе *нашей*, охватившей *наш* XX век и захватившей вполне уже *нашенский* XXI век, мало того, ещё и прихватившей своими мощными, насквозь раздирающими человеческое бытие, трансгрессивными переменами и жутко беспощадными событиями непосредственно и *нашу* страну, *наш* народ, *нашу* цивилизацию, *нашу* государственность, *наше* хозяйство, в общем – *нашу* жизнь, а во-вторых, написано сие произведение как метафизическая переключка с мистическим писательским творчеством мистического человека – Михаила Булгакова, да не как лишь автора классической «*Белой гвардии*» или того же искрящегося сатирой, юмором, отчаянием и грустью «*Собачьего сердца*», а как автора воистину великого мистического романа – РОМАНА!, да не так о Мастере и Маргарите, даже и не о Воланде, даже не об Иешуа, да и не романа вовсе, а ... *писания*, ещё и писания обо *всём вообще*: о бытии человеческом, вовсе не только не райском, не только сносно человеком переносимом, не только даже и вкрутую адовском, а, как понял гениального мистического страстотерпца Ю. М. Осипов, как о захватившем страду человеческую ... *небытии* – НЕБЫТИИ!, разумеется, не без прячущегося среди небытия остаточного бытия, как раз по формуле «небытие – бытие – небытие», когда бытие в относительной полноте своей не более чем незаконорожденная вспышка среди небытия, в

которой оно – бытие – и сгорает, а вовсе не по формуле «бытие – небытие – бытие», когда небытие не более чем подчинённое сопровождение бытия, может, иной раз, и провал бытия, хотя бы просто в бытии провал, где небытие в миг и исчезает.

Да, у М. А. Булгакова присутствует авторски возгонный *инфернализм*, но уж никак не авторский *сатанизм*, а ежели что сатанинское и есть, то не более чем в функции критически отрицательного *сатановедения* с вынужденным *сатаноприсутствием*, а коли действует в романе *сатана*, то вовсе не как страшный злодей, а совсем даже наоборот, как благодетельно спасительный для погрязшего в неистребимом для себя зле и растворившегося в непристойно пошлом для самого сатаны уже и вполне людском сатанизме слабого и омерзевшего от самого себя человека, как его – человека – спасительный инквизитор, судия, палач, но даже ещё и ... *наставник* (впрочем, наставник вполне уже и бесполезный!)

Мимо личности мистического писателя и мимо мировоззренческого (людоведческого) нутра его мистического романа можно было бы и пройти, что, по обыкновению, и делают миллионные читатели по всему миру, находя в писателе по преимуществу острого сатирика, яркого юмориста и неподражаемого выдумщика, а в самом романе, опять же, находя лишь острую сатиру (ещё и диссидентскую, антирежимную, то бишь антисталинскую!), сдобренную умным, ехидным, многоцветным сатиро-юмором, а всё остальное – тревожное, печальное, убийственное ... а что остальное-то?, что как раз обычно и не замечается, во всяком случае, что остаётся вне читательского внимания – не интересно, не занятно, не забавно, не привлекательно, а главное для кого-то – *не протестно!*

Однако, Ю. М. Осипов заметил кое-что *этакое* в литературно позднеклассическом феномене и не прошёл мимо ни исключительной личности великого словомифотворческого фигуранта обезумевшего литературного фронта первой половины российского XX века; ни мимо его дара быть отменным, пусть лишь литературно-художническим, мыслителем, вполне и *софийным*; ни мимо его страшного сближения с *правдой* – ПРАВДОЙ!, исходившей не

только от Жизни, не только от Бытия, даже и не только от Небытия как таковых, а и ... *в целом от всего Мироздания, всей Вселенной, Всего вообще!*

Действие романа происходит в Москве, в этой мистической столице мистической страны России, да не когда-нибудь, а в момент расцветания плодового на поправительное зло сталинизма, одновременно незаконнорожденного дитяти страшной революции и законнорожденного дитя не менее страшной антиреволюции, то бишь *бес-подобного* продукта сначала *революционного выворачивания реальности*, а затем и *антиреволюционного выворачивания вывернутого*, что имело место в большой войновско-кризисный, насквозь страдно, смрадно и кроваво переломный для планетарного и российского миров, исторический период, в общем, среди вроде бы Бытия и вроде бы Небытия, в момент их между собой беспощадной схватки со столь же беспощадной переделкой всего и вся, включая и ужасный *Пересмотр* всего и вся из духовно-идейного арсенала, в период когда вокруг царят Великое Неизвестное, ловко бьющее по только ему известным целям, неотвратимое Иное с никому не известной Целью, когда Время то ли останавливается, то ли исчезает, то ли так споро бежит, что его как будто бы и вовсе нет, а есть лишь одна немая, пустотелая, неподвижная Вечность!

Но не только из-за булгаковского видения мировой реальности, пусть вроде бы на первый взгляд лишь московской и российской, остановил Ю. М. Осипов своё пристальное внимание на загадочном булгаковском произведении: он увидел в фантастическом романе ещё один, вовсе не такой уж и фантастический, роман – *роман в романе*, представший фактически ... нет, не новой версией «Евангелия» ... а, вовсе и не нарочито, существу «Евангелию» оппозиционной версией – *иным* «Евангелием», которое, куда уж тут деться, можно даже принять и за «*АнтиЕвангелие*», а констатируя сие открытие, вовсе не броситься ни сему писанию фанатично и слепо следовать, ни с религиозной страстью его осуждать, а всего лишь, поняв инфернально-мистического его создателя, как и ему сочувствуя, учесть им высказанное при обозрении и вскрытии вовсе не свободной от непоправимого зла и от своей инфернальной атрибутивности земно-космической реальности.

Нет, не только, вовсе не только из-за глубинно-смысловой мировоззренческой (людоведческой) начинки романа обратил на сей роман и его автора своё пронизательное внимание Ю. М. Осипов, а и вследствие реального, как раз московского, и российского тоже, да ещё и вполне не просто *со*-временного, а и *сею*-временного, грандиозного события-происшествия, последовавшего в московско-российских реалиях рубежа XX и XXI вв., то ли, на удивление, промыслительно угаданного, то ли пророчески предвиденного, то ли, на ещё большее удивление, провиденциально ... э-э ... предположенного, если (*sic!*) не прямо заложенного булгаковским романом в текущую в стране реальность – до срока реального всплытия, что и случилось аккурат на рубеже 1980-1990 гг., а сходство всего описанного в романе с выделанным через время самой реальностью не то что поразительно, а и потрясающе поразительно!

Вот Ю. М. Осипов и сотворил в отклик на булгаковский роман, суть которого Ю. М. Осипов определил как *Реквием*, уже свой литературный *Реквием*, прямо и поименовав своё произведение «*Реквиемом*», снабдив указанием: «роман о романе, или роман с романом», выйдя, конечно, за рамки связи «роман – роман», пронизательно углубившись в столетнюю эпоху, – *эпоху Перемен*, в актуальное бытие-небытие, в новейшую историю, в живо и неживо протекающую вокруг жизнь, обильно сдобренную нежизнью, в неровно, если не рвано, бытийствующую культуру с её нахрапистой антикультурой, включая и inferнальную (с её знаменитым символом – малевическим «Чёрным квадратом»), в разбрызганное во все стороны гуманитарное творчество, в угрюмо собранную в кулак размыслительную метафизику, уклонившись при этом от привычного литературоведения и историоведения, а погрузившись в свои собственные историасофию и литературасофию, а главное – в *мета-смысло-софию*, ища ответы на безответные вопросы и довольствуясь просвещающим любого любознатца оперированием с *Незнанием*.

В осиповском реалистическом произведении есть *всё*, это не что иное, как безусловная *беллетризованно-философическая энциклопедия вековой эпохи перемен*, в которой есть даже кое-

какие ответы, причём не только на что-то более или менее ответное, но и на безответное тоже, в нём нет лишь характерной для романов притягательной игры художественности (не его задача), завлекательной детективщины, занимательной фантазийщины, а есть ... что есть? – *иное* есть, сомнение есть, грусть есть, но и радость познания есть, да *не этого* – не тривиально-бытийного, а *того* – внебытийно-запредельного, ну и, как ни странно для кого-то это звучит, в произведении Ю. М. Осипова немало и вовсе не наигранного *оптимизма*, пусть и омытого страдательным знанием и окропленного ещё более страдательным незнанием, оттого и не «телячьего» вовсе оптимизма, а вполне осознанного в противовес всему в человеке нечеловеческому, во многом и сатанинскому, *мужественно-борчески человеческого!*

Сатанизм ныне – категория чуть ли уже не научная, вполне себе и светская, отражающая не только богословский факт противостояния павшего ангела Господу Богу, а и социально-философический факт *противостояния человека самому себе и своему собственному миру*, что находит сегодня практическое антиэкзистенциальное воплощение в ускоренном нарастании имитационного, фальшивого, фиктивного *антимира* и в превращении человека в соответствующего этому миру столь же имитационного, фальшивого, фиктивного *античеловека*.

Сатанизм – это ныне не просто и не столько совершение всяческого зла, сколько упорная, кропотливая, на вид и вполне добродетельная, работа по отмене всего *базисно-человеческого* в человеке и его мире и замене этого всего *псевдочеловеческим симулякром*, то бишь работа по подмене человека постчеловеческим человекообразным – *человекообразом* (с одной буквой «О» посередине слова – образ-понятие Ю. М. Осипова).

Здесь уже явная кульминация трудо-творческого хозяйствования человека с его одержимостью технотронным прогрессом и технотронным же социокультурным обновлением бытия, как и кульминация самого человека, вольно или невольно отпавшего не только от Бога, но и отпадающего уже и *от самого себя*, как раз исходно (и безысходно тоже!) человека-«*каинянина*».

М. А. Булгаков, судя по его повествованию о Понтии Пилате, Иешуа, Синедрионе и людской толпе, не видел никакого земно-космического выхода для человека-мастера, кроме утопически взнезменного и даже внекосмического, *покоя*, что то же самое – *небытия как Небытия* (концепция «загробной жизни» его явно не устраивала). И ежели в воцарении в России (читай, и в мире) сатаны как сатаны с его изошрённым игорно-театрально-мимикрирующим сатанизмом Булгаков не ошибся, – фактологически прямо при своей жизни, а пророчески, уже, можно сказать, в тёмную, в не засвидетельствованном им лично, но зато фантастически обозначимом, будущем, – то не ошибся ли он, пророча человечеству наркотически дурманыщий *небытийный покой* или же просто покойное *небытие*, – кто ж это знает? Ответа тут нет, а вопрос-то остаётся, и теребит, теребит воображение!

Сатанизм ведь не где-нибудь, а здесь, он с нами, среди нас, в нас, радикально отбросивший им когда-то придуманные успокоительные гуманизм с демократизмом и либерализмом, капитализм с социализмом и коммунизмом, уже и сам открыто ставший на их место, пустившись вскачь к ... нет, нет, ещё не к Концу Света ... а всего лишь ... *ко всемирной катастрофе* на пути к Концу Света, вовсе не обязательно и огненно-пламенной, скорее всё-таки, *мягко-морфической!*

Россию М. А. Булгаков под видом Москвы отправил в тартарары (в Аид), однако разыгравшаяся уже на наших глазах новая, как раз и снова мировая, война на то и война, как на то она и разыгралась, чтобы пробудить усыпленную западным и доморощенным сатанизмом Россию в смысловых окоёмах самой же России, ныне вынужденно, а потому и не слишком последовательно, обороняющейся от мирового агрессивного и лукавого античеловеческого обесмысливающего контента, и пробудить её для того, чтобы не быть отправленной никаким сатанизмом, – и своим тоже, выпестованным спристрастием и любовью в её собственном чреве, – в тартарары, чтобы отбиться от сей желаемой многими в мире и в Отечестве тоже смертоносной усыпляющей перспективы, и, наперекор всему возродясь, отбить, что не исключено, от сей многообещающей перспективы и весь мир человеческий.

Сбудется этакое или нет, никто из смертных наверняка не знает, зато это весьма знают бессмертные русские сказки, причём без всяких на то наук и философий, даже и без философии хозяйства, точнее, всё-таки с ней, в них самих предусмотрительно и заложенной, просто во времена оные так не называвшейся, – и что же там – в сказках – на сей счёт говорится? – известно что – *сбудется!* А что же сбудется? Хочешь, не хочешь, а *всё* сбудется: и то, и это, и третье, как раз никем, никогда и ни за что *не предвиденное!*

Вот откуда квалификация Ю. М. Осиповым булгаковского московско- мистического творения как *романа-Реквиема* (там, в этом произведении, хватает конечных концов, особенно в потаённой смысло-метафизической его подоплёке, без всяких при этом намёков на что-либо из благополучно или нет скончавшегося возрождение – *конец там, так уж конец!*), и сходная квалификация своего, – уже осиповского, тоже ведь московского и тоже не лишённого смысло-метафизической потаённости, произведения, – как *Реквиема-романа*, в котором наряду с концами просматриваются и кое-какие начала, да ещё и с возможностью, пусть и возможностью проблематичной, даже и роковой, за эти начала борьбы.

И что же? Когда писался тот, булгаковский, Реквием, шла ожесточённая внутри-отечественная (гражданская) война (тогда уже сталинская, так сказать), а в воздухе настырно витал отчётливый призрак новой вспышки на время лишь прерванной большой мировой, вполне себе и апокалиптической, войны, не так, кстати, как всюю преподносилось в Европе, антисоветской, хоть и не без этого, а как всецело антироссийской, точнее, даже антирусской, вполне себе и геноцидной, отчего и роман получился у Булгакова несмотря на его внешнее остросюжетное – сатиро-юморное, даже и весёлое (хоть и горько-весёлое) прикрытие, как раз печально-реквиемным – что для человека вообще с его традиционной религией, что для современника-москвича с его уже новой, как раз коммунистической, религией: автор того романа был уже вынужден, как горький реалист, ни во что этакое не верить, отчего и Реквием у него вышел без всякой, пусть и наивной, оптимистической нотки (слишком, слишком всё было вокруг для мистического романиста наоборотным: от петлюровского Киева через белоармейский

безнадёжный Екатеринодар, грустно судьбоносный Пятигорск и неприятный Батум до сталинской без конца воевавшей сама с собой и обречённо ожидавшей войны уже против себя самой Москвы).

Не судить тут надо автора романа-Реквиема и не жалеть его, а всего лишь *понять*, что как раз и всего труднее, ибо не автора тут раздевать до гола надо, да ещё и раздетого и раздавленного сердобольно пожалеть, а *себя самих* – самоуверенных критиков и беспощадных судий, в обрамлении, конечно, вскрытой мистическим романистом и глумливо насмехающейся над ними всеми реальностью, а что касается самогó *самого-самого* из XX века русского писателя, художника, мыслителя, себя же беспощадного критика и не уверенного в себе судии, то он сам себя в итоге без всякой публичности и надежды на воскрешение и распял!

Кто он – Михаил Булгаков, кем и для чего он был на свете, зачем был наделён то ли свыше, то ли снизу, то ли сразу отовсюду, даром видения и провидения реальности, какую софийную миссию выполнил, кроме текущей бытийно-провиденциально-упредительной (а ведь предупреждал, Михал Афанасич, предупреждал!), разве лишь ещё миссию молчаливого от его неподвижных серых глаз *провозвестия Конца*, – и чем же он вообще-то не великий русский от XX века Пророк?!

Вот и осиповский «Реквием» возник в обстановке очередной внутриотечественной (и московской!) распри, пусть и не такой громораскатистой, как при М. А. Булгакове, хоть и не менее роковой и беспощадной, да уже и не сильно гражданской, а так – невысокого пошиба общелюдской распри-возни, пророчески-насмешливо-горько предвиденной великим романистом и вполне себе достойно абрисно обрисованной его острым сатиро-юморным гениальным пером, однако ныне уже дополняющейся, – по воле, видно, Провидения и Иного, – другой очередной распрей-вознёй, – уже и, выражаясь обтекаемым дипломатическим языком, *международной*, – причём явленной незамедлительно, сразу же после выраженного вдруг российским лидером в 2007 г. в славном граде Мюнхене российского о России самомнения, правда, сей международный конфронтационный конфуз пошёл в гору уже после выхода в свет, по-своему тоже ведь провидческого, осиповского произведения,

сначала выразившись в сатанинского пошиба хитроумной, доходящей до маск-дурашливости, но вполне себе не дурашливо жестокосердной, гибридной (гуманитарной-де) войне, а затем перейдя и в настоящую, сдобренную уже откровенным сатанизмом, не особенно и прикрываемым политическим актёрством и пошлым словесно-трескучим вуализмом, *войновскую войну*, обильно подкрепляемую высокомерным против России и русского мира (а не против, как кажется, нынешней РФ и текущего в ней режима, вовсе нет!) имперо-колониально-геноцидным лейтмотивом.

Изданный в 2010 г. «Реквием», который, конечно же, тоже никакой в привычном понимании не роман, а если и роман, то не так «роман с романом», как роман (sic!) ... с *самой реальностью*, как, впрочем, и булгаковский роман служил прощальным романом с уходящей от Булгакова в Навь, если вообще в Небытие, перебаламученной реальностью, однако роман 2010 г. был всё-таки не так *реквиемом-эсхато*, как тот же роман тридцатых годов XX века, как романом, пусть и не с бьющей в читательские глаза, но всё-таки ... с *оппозиционной возникшей гнусной реальности надеждой*, отчего ставшим *реквиемом-надеждой*, может, и с наивной надеждой, но всё-таки *надеждой* – на возрождение России как России вопреки её двойной попытке насильного перерождения в ходе последнего по бытийно-историческому времени воистину эсхатологического столетия, отчего и надежда на возрождение теперь, коли оно вдруг станется, исключительно через *иное*, за неимением лучшего слововыражения, *перевыворачивание перевывороченного* – не более и не менее!

И что, разве тут не уместен *о-предел-ительный*, пусть и *бес-предел-ьный*, образ – образ *Реквиема* – что для мистического произведения середины XX века, что для метафизического произведения XXI века, да и разве не слышна современнику, – что тому, что этому, – торжественно-вдохновенная, вовсе и не только заупокойная, но немало и жизнеутверждающая, пусть и не для каждого людского уха таковая, *реквиемная сакральная музыка* ... что-о, разве не слышна?!

И разве не слышно, что говорит сегодня звучащий уже от самой реальности *Реквием*, куда более *реквиемный* и более *сакральный*,

чем его литературные предтечи, а он, этот мощный Реквием, говорит, ничего при этом вслух не говоря, что никакой экзистенциальной победы России (РФ) над внешним субъектным противником в этой экзистенциально-апокалиптической войне, даже при большой военно-стратегической удаче, не будет и быть не может, а возможна и необходима (!) совершенно вроде бы невозможная, но крайне необходимая для полной экзистенциальной победы России *иная* сакральная победа – победа нынешней псевдороссийской России над *самой собой*, что означало бы и победу ... нет, не так над внешним субъектно-морочковым противником, как над внутренним, тоже изрядно сатанизированным, противником, который по выявленности хоть и может быть для приличия подавлен или изгнан из страны, но вообще-то он из *такой* вот нынешней псевдоРоссии сам по себе, да ещё и навсегда, никуда не денется, что как раз и подтвердили своим примером перестройка с реформой относительно печальной судьбы очищенного навечно-де от своего внутреннего противника СССР, отчего потребна ещё и победа над внутренним *социо-сатанизмом*, хоть она трудна, да почти что и невозможна, ибо это должна быть победа масс россиян, весьма ныне осатаневших от подсунутого им внешнего и щедро им дарованного, как и дозволенного, внутреннего сатанизма, *победа над самими собой*, да ещё и через *собственное (личное) преобразование*, что, может, и должно быть, но на индивидуально-осознанном уровне не слишком всё-таки вероятно, отчего в массовом порядке сие преобразование коли случится, то по преимуществу всё-таки сверху и насильственно, да хорошо ежели через посредство той же *мировой войны* с провоцируемыми ею разносторонней *мобилизацией*, гражданской *ответственностью* и государственной *дисциплиной*, а то ведь сие может произойти и с пособлением уже государственно-гражданской, правда, военного-таки образца, *диктатуры*.

Нельзя тут не отметить особо одну потрясающую неизречённую весть, посланную будто бы в небытие при- или даже под- сталинским романистом – вполне и, надо полагать, посланную невольно, однако уловленную через полвека автором «Реквиема», а именно: запрятанную глубоко в булгаковском романном детище ... э-э ... *апологию* ... э-э ... *сталинизма* – как факта реально

фантастической борьбы ... *сатанизма с самим собою*, из чего и выходил вполне оправданный эпиграф, взятый московским романистом из «Фауста» Гёте : *«Я – часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо»*, а уловил автор «Реквиема» сию немислимую весть от булгаковской тайнописи по причине увиденного им на Родине практического антисталинизма рубежа XX и XXI вв., причём самим же И. В. Сталиным провидчески при жизни обозначенного и предусмотрительно им по-адски волево заштемпелёванного.

Что же тогда: от нынешней диктатуры золотого тельца, бесстыжей фальши и разгулявшейся вседозволенности всего лишь к *иной диктатуре* и только? Ничего тут не поделывать, так уж творится история человечества – от диктатуры к диктатуре, главное – не погрязнуть в эгоистической, а потому и ныне эсхатологически провальной, диктатуре – лица (персоны), клана, партии, класса, как и в диктатуре бездушного «искусственного разума», о чём кое-кто ныне и грезит, а, пусть это выглядит и утопично, надо бы выйти к диктатуре *витально-гуманитарной необходимости*, а она – сия **необходимость** – и подскажет какой в реальности конкретно быть диктатуре, хотя бы закона, долга и служения, а уж о диктатуре разума, чести и совести тут остаётся вместе с победительным человечеством лишь по-простоцки помечтать.

История показывает, на чём настаивает Ю. М. Осипов, что самое судьбоносное в исторической реальности случается как *самое невероятное* и случается *всегда внезапно*, пусть там и там с содержательными отклонениями и исполнительными нюансами, но ведь непременно случается, отчего бессмысленно с «телячьей» надеждой и непреклонной уверенностью моделировать историю, строя не только совершенные-де для будущего проекты, но даже и те же самые прогнозные варианты: настырная история всё равно пойдёт по *своему*, никем как раз и не предусмотренному, пути (за исключением иной раз увиденного вдруг в общих чертах открытыми небесам незрячими провидцами), а потому здесь, в России, необходимо исходить, углубляясь в будущее, из *мобилизационного* и даже *цитадельного* для России, а в гуманитарном плане – *софийно-соборного*, напряжённого и никак не расслабленного,

бытия, уже надвигающегося на Россию и вскоре ею, надо полагать, овладеющего, ежели ... ежели в России в достаточной мере ещё бытует инстинкт *совместного самосохранения* и ещё наличествует генотипический ресурс *совместного самобытия*, что, кажется, не исключено, даже весьма и вероятно, но *не-бес-сомнительно!*

Сегодня на повестке дня активная защита России от внешней, – экспансионной и агрессивной, – *антиРоссии* с её изысканно подлым сатанизмом, как и активное избавление России от пут внутренней, – изменнической и для страны суицидной, – *антиРоссии* с её совсем уже не изысканным, отчего и особенно пошлым, доморощенным сатанизмом!

Не для всех соотечественников приемлемо такое видение и интеллект-отражение текущей мировой и российской реальности, её ближайшей будущности (через катастрофу или нет, – всё одно!), и тут ничего не поделать, коли она – реальность – вот *такая – апокалиптическая!*

Философия хозяйства – высшее достижение человеческого разума, размышляющего над бытием в мировоззренческом ключе, когда за «философией» скрывается, не таясь, никакими зёмными постулатами не ограниченная и всецело открытая *Небесам софиасофия* (что тогда из мыслимого и немислимого может быть вольнее, смысловитее и значимее?!), а «хозяйство» есть не что иное, как *само бытие в своей целостной реализации*, причём всё бытие – человеческое и внечеловеческое, в непременно при этом между собой онтологическом и функциональном единении (какой ещё объект размышления может быть масштабнее, целостнее и в смысловом отношении щедрее и концентрированнее?!).

Философия хозяйства не избегает любых обрекаемых на познание объектов-предметов, отраслей добываемого знания, используемых методологий, ежели те, другие или третьи ей необходимы, как и не избегает таких «заковык», как Ничто, Небытие, Незнание, не ограничиваясь обнаружением факта их безналичного наличия, а и пытаясь с ними в совместии познавательльно-размыслительно оперировать.

Философия хозяйства не отстраняется и от осмысления феномена ультрамодерновой технотроники и экстраэкзистенциальной роли порождённого ею «искусственного разума», не только не нуждающегося в небесного происхождения людском разуме с его размышлением, мыслями, сомнениями, исследовательской наукой и той же метафизической философией, но и ставящего предел, если не конец, всему от человека исходящему, а, следовательно, и самому человеку как таковому: там – в сфере «искусственного разума» – *мёртвая зона*, а сам человек для «искусственного разума» – *мертвец!*

И ничего тут не поделывать, даже никакого термояда в таком разе не надо: сакральный земно-космический (скорее, космо-зёмный) *Проект* по имени «ЧЕЛОВЕК» торжественно и по-реквиемски завершается, и завершается он самим же человеком-творцом, как раз замечательно творчески одарённым *земно-космическим хозяйствующим субъектом* (есть ли где-нибудь ещё во Вселенной мириады станков, авто, локомотивов с поездами, самолётов, а также радио и телевидение, искусственные околопланетные спутники, в общем – вся технотронная эсхатологическая снасть вплоть до порождённого ею «искусственного разума», а-а?)

Человекообразный технотроник – не человек, а в лучшем случае – *постчеловек*, а постчеловек уже и не человек, вот и вся тут недолга, как недолго осталось, видно, человечеству ожидать сего кульминационного акта *превращения человека в человекообразного нечеловека*, если ... если вдруг не опомнится всё-ещё-человек и не повернёт ... а вот куда же, не назад же ему отступить, как и не стоять же на месте, только вперёд ... и выйдет тогда лишь один выход, он же и выбор без выбора – только в *мёртвое бессмертие!*

Если совсем ещё недавно человек делал, пусть и бессознательно, тот или иной выбор, то он это делал исходя из возможности *будущего* – БУДУЩЕГО!, а сейчас у человека, который и в самом деле уже на краю Света, такой возможности нет – будущее как неременная возможность его теперь не ждёт, отчего приходится человеку ныне идти в *будущее ... без будущего!*

Апокалиптический тут выбор ... без выбора!

Ю. М. Осипов – несомненный *мастер русского слова*, пользующийся разными словесническими формами и стилями изложения, однако и владеющий собственным стилем, называемым им, как было выше замечено, *метафизическим* (смысловедческим, не до конца при этом по смыслами открытым, как бы недоговорённым, засловным, настойчиво приглашающим к размышлению), вполне и литературным, немало местами и опозитизированным, избегающим, по возможности, затверженных профессионализмов, а в итоге выделяющим не сразу и не без труда воспринимаемые читателем, особенно не слишком философически искушённым, насыщенные *метасмыслами* тексты, не склонные просто так цитироваться в инородных текстах, нелегко переводимые на иностранные языки, даже и близкие славянские, жанрово тяготеющие по течению мысли, образности, смысловой начинке и неизбежной недосказанности к писанию (сказу, сказанию), в общем – *своеязычный, своеобразный и своеобразный автор нестандартных текстов*.

Выдающийся организатор науки: опытный администратор, создатель и руководитель научно-исследовательских учреждений, учёных сообществ, авторских коллективов, печатных и электронных научных и публицистических изданий; активный генератор нацеленной на новизну, открытия и откровения передовой размыслительной среды; инициатор, руководитель и участник многочисленных разного рода научных, общественно-политических и публицистических форумов, включая регулярные, периодические, серийные, постояннодействующие, многолетние.

Как патриот России, будучи ещё и по военной специальности офицером спецпропаганды, Ю. М. Осипов стал одним из инициаторов и главных исполнителей *Большого патриотического проекта*, нашедшего воплощение с 2009 г. и далее в многолетней череде народно-патриотических собраний (конференций) и в серии из семи объёмных томов народной истории под общим названием *«Мы помним...»* (*«Мы помним подвиг наших отцов и дедов»*. Книга воспоминаний и размышлений поколений), в которых нашли приют тексты (мемуары, рассказы, очерки) о Великой Отечественной войне и послевоенном трудовом времени, включая и славные деяния отечественных оборонщиков, тексты, подготовленные как

непосредственными участниками войны, ныне её ветеранами, так и потомками советских воинов, – либо не вернувшихся с войны, либо вернувшихся, но уже ушедших из жизни, – с рассказами потомков о своих героических предках, их ратных и трудовых подвигах, а среди авторов памятных текстов школьники, студенты, люди разных поколений, ветераны армии и ветераны труда, пенсионеры. С появления первого тома серии в 2010 г. проект стал образцовым, за ним в стране последовали и другие аналогичные проекты, включая и массовое гражданско-патриотическое движение **«Бессмертный полк»**. Нацеленный на сохранение памяти о Великой Отечественной войне, проект, реализуясь как подлинно народный, косвенно работал на поддержание готовности российского общества к защите Родины и в нынешнее тревожное время, что не замедлило и реально подтвердиться с началом вполне себе реальных боевых действий на Украине. Не исключён и первопроходческий духовно-идейный вклад проекта в актуальное народное движение в поддержку воюющей ныне армии **«Всё для победы!»**

Украинский проект – УКРОПРОЕКТ!, как собственно проект исторически, как считает Ю. М. Осипов, неизбежен, но как вполне исполненный проект, если и возможен, то только через *диктатуру украинства* – УКРОДИКТАТУРУ!, а иначе говоря – через нацизм, войну, кровь и ... увы ... измену, – и не одному русскому миру, но и славянству в целом, что означает и конечную невозможность исполнения сего многовекового проекта. Что же касается судьбы нынешней Украины, то Ю. М. Осипов, находясь в 2013 г. сначала во Львове, а потом в Киеве, узнав о вхождении партии укронацистов в парламент, ещё и в честь своей электоральной победы дружно зиганувшись прямо на скамьях покорённого ими парламента, высказал своим дружественным тогда украинским собеседникам следующее: «Теперь-то всё и пойдёт: война, кровь, развал страны; роковое деяние, которое свершилось на Украине – гонение на русский язык, на русскость, это ведь преступление, не смываемое даже кровью, которой придётся Украине умыться». А в совсем уже узком дружеском кругу произнёс: «Украины не будет!»

Сражаясь на состоявшейся в 1998 г. в Варшаве авторитетной научной конференции против вступления Польши в НАТО, Ю. М.

Осипов заявил с трибуны конференции: «Пока Польша не в НАТО, она, даже антироссийски в политике и настроенная, остаётся Польшей, а когда вступит, то независимой Польши попросту не станет», за что был немедленно обвинён во вмешательстве во внутренние дела Польши, а российская делегация в знак протеста чуть было даже не покинула конференцию.

Не лишне заметить, что люди, включая и дипломированных учёных-гуманитариев, стремясь к чему-то экзистенциально лучшему и, как им часто кажется, истинному, пусть и мифологически истинному, очень не любят, пренебрегая реальностью, её несентиментальными интенциями, видеть, слышать, касаться одной вещи-вести – *правды*, разумеется, как всегда для людского сознания шершавой, колкой, жгучей, в чём Ю. М. Осипову непрестанно приходится убеждаться и чему быть не просто свидетелем, а из-за чего регулярно и атакуемым, как правило, через гнетуще-молчаливые, недоумённые, а то и укоризненные, взоры, а однажды, аккуратно в 1989 г., получить на конференции в Киеве после своего выступления и откровенно гневный упрёк: «Как вы смеете лишать людей иллюзий!»

Что ж, всё так, наверно, и выходит, да вот что на свете не иллюзия, особенно из ожидаемого, из предпочитаемого, из вероподобного, однако на свете кое-что из поначалу, может, и кажущимся иллюзорным, но что таки о себе настойчиво заявляет и заявляет, что раз за разом подтверждается и что оказывается в итоге вполне себе и реальным, пусть вовсе и не очень хорошим, вовсе и не чаемым, даже и не нужным, да что тут поделывать – *случается*, а уж от иллюзии до реального, как и наоборот, один в общем шаг, а то и миг, – и как нельзя не признавать наличия иллюзий, так и нельзя от иллюзий не избавляться: *правда, она и есть правда!*

Благодарный своим родителям за появление на свет, за воспитание и за пример житейской самоотверженности и гражданского служения Родине, Ю. М. Осипов, родившийся 09.09.1941 г. в Ростове-на-Дону, а затем эвакуированный летом 1942 г. на руках родителей из родного города и оказавшийся с конца 1942 г. в Москве, где и вырос, став по сути коренным москвичём, а с 1955 по 1959 гг. ставший вдруг молодым сельчанином по

причине отъезда отца трудиться по призыву коммунистической партии в качестве руководителя отстающего сельхозпредприятия – председателем колхоза, аккурат на Тамбовщину, где молодой человек закончил среднюю школу, разнообразно трудился, ведя нелёгкую сельскую жизнь, познавая коренной русский мир, щедро общаясь с русскими людьми, становясь подлинно русским, а после своего отъезда из деревни регулярно туда возвращался, будучи не только постоянным свидетелем, но и посильным участником сельской родительской эпопеи, завершившейся в 1973 г., а через три десятка лет после ухода родителей в конце 1970-х из жизни, будучи уже давно и определённо состоявшимся профессором и известным учёным, написал о родителях и их сельском подвижничестве книгу, названную по причине её главного героя и виновника «*Отец*» (2007).

Отец, *Осинов Михаил Яковлевич* (1910-1978), коренной русский человек, из образованной крестьянской среды, с Орловщины, из окоёмов Ельца, из Долгоруково, перебравшийся в 1929 г. вместе с родной семьёй, не принявшей коллективизации, в г. Ростов-на-Дону, став там одним из первых выпускников Батайской школы Гражданского воздушного флота (ГВФ), сначала комсомолец, затем член ВКП(б), сделавший на Юге России, а затем с 1942 г. в Москве, успешную карьеру по профсоюзной линии, а перед отъездом на село находившийся на ответственной работе в аппарате Главного управления ГВФ, ставшего со временем Министерством гражданской авиации СССР. Проработал в качестве руководителя крупного колхоза «Страна Советов» 17 лет (редчайший для 30-ти тысяч выехавших на село трудиться председателями колхозов случай!), да не просто проработал, как и не просто обеспечил при содействии родного ему ГВФ производственный подъём хозяйства, но и, что считал для себя самым главным, коренным образом изменил жизнь сельчан, сделав её благоустроенной, здоровой, окультуренной, насыщенной не только житейскими и производственными заботами, но и созидательными смыслами, в общем – построил то, что можно было бы назвать и реальным, вовсе не выдуманным, *коммунизмом*, чем и исполнил свою мечту

о преобразении русской, точнее, русско-советской, деревенской жизни.

Мать, *Осипова (Мосиенко) Елизавета Прокофьевна* (1916-1977), донская казачка, ростовчанка, была всю жизнь рядом с мужем, исполняя завет, данный ею перед замужеством будущему супругу, служа (именно служа!) по домашнему хозяйству, будучи самоотверженной, заботливой матерью трёх детей, неся вместе с мужем и семьёй все выпавшие на их долю испытания и тяготы, разделяя успехи, удачи, радости. Музыкально и певчески одарённая, не став профессиональной певицей, о чём в молодости мечтала, реализовала своё артистическое призвание в качестве неизменной солистки сельского самодеятельного хора, официально признанного в 1960-е гг. *«Народным коллективом»*.

Отец был безусловным примером для сына – молодого тогда сельчанина, бывшего, кстати, и колхозным комсоргом, даже намеревавшего делать сельскохозяйственную карьеру, однако *что-то* вдруг заставило его вновь обратить свой взор на город, на родную Москву, на какой-то, ещё ему не известный, *иной* жизненный путь, на рискованное начало которого его благословил всё-таки не отец, не желавший, ничего особенно по этому поводу не говоря, отрывать сына от сельской страды, а благословила его мать, сердцем почувствовавшая, где сыну быть и куда ему идти, пусть тогда и всё это оставалось в полной неведомости.

А сын, потрудившись в Москве сначала такелажником на зимней стройке, затем слесарем-инструментальщиком в системе Главгаза СССР, поступил в МГУ, на экономический факультет, с которого после первого курса вдруг решил уйти, да был буквально по случаю отговорён от сего опрометчивого шага старшим товарищем, преподавателем, ну а дальше пошла-поехала учёная карьера, шедшая, надо заметить, не без участия того, что обычно принимается за случай, а на самом-то деле бывает не лишено и провиденциальной мистики.

Отец с матерью, не будучи никакими ярыми и не ярыми сталинистами, принадлежали к по-своему фантастическому поколению патриотов-«сталинцев», признававших феномен

красного беспрекословного вождя и красного непреклонного вождизма, одерживая под их знамёнами и водительством победу за победой, реально меняя жизнь по никому тогда доподлинно не ведомым, но зато чаемым этим поколением созидательных романтиков, *новым* цивилизационным лекалам, что им почти и удалось, однако ... нет большого добра без наступающего его большого худа ... сначала заслуженный, известный тогда на всю страну уникальный устроитель земли русской, разумеется, кое-кому из партийно-советской номенклатуры не нравившийся за самостоятельность, строптивость, за своё понимание им самим вершившегося устроения сельской жизни, даже и за всесоюзную известность, был грубо, коварно, незаслуженно отправлен в отставку, конечно же, помимо его воли, но зато воспользовавшись опрометчиво данным им партии при достижении 60 лет слова уйти, если того партия де пожелает, а партия взяла, да и пожелала, и он ушёл, с честью сдержав своё слово, ушёл вопреки воле колхозников, без промедления сдав дела и никогда – *никогда!* – в преобразованное им село, незамедлительно ставшее свидетелем разрушения всего оригинально им созданного, не возвращаясь, а потом ... потом (уже после преждевременного ухода отца и матери из жизни – нанесённое оскорбление и навязчивая гнетущая печаль сделали своё чёрное дело!), та же ликвидационная участь постигла, пусть и не сразу, а через « странную дюжину» лет, не только *всё* поколение «сталинских соколов» с их коммунистической партией и утопической идеей коммунизма, но и всю самоотверженно построенную ими страну, всю её неподражаемую цивилизацию, пусть и не соответствовавшую вполне своему идеальному замыслу, но так или иначе реально всё-таки народную, трудовую, товарищескую, одним словом – *соборную!*

И что примечательно: не так идеальный коммунистический проект был утопическим, как утопической оказалась возникшая в итоге титанических усилий, ожесточённой борьбы и безграничной жертвенности *новая реальность*, прозывавшаяся коммунистической (социалистической, советской), выдержавшая колоссальные трудовые, жёстко мобилизационные, высоко затратные испытания, но не нашедшая в себе гибкости, изобретательности и силы

противостоять... *вообще человеку*, вовсе не на шутку обременённому животностью, звериностью, бесовством, как и не на шутку поражённому эгоизмом, алчностью, потребительством, как раз всем тем, что было, и тоже не на шутку, прижато сталинизмом, однако при этом вовсе и не изжито, что со временем массово расшевелилось, шаг за шагом поднялось, расцвело, а в удобный момент и захватило инициативу, обеспечив приход к власти уже своих адептов из числа человекообразных, которые и совершили разрушительно-ликвидационную *отмену*, да ладно бы ненавистного им *сталинизма*, а то ведь и неприемлемого для них *общечеловеческого гуманизма* с его ответственной *социально-поведенческой культурой* (а культура сия – набор ведь и ограничений, и запретов, и обязанностей!), мало того, бросили в inferнальную топку страну (СССР), разорвав её на части, безжалостно разрушив хозяйство, промышленность, всё жизнеотправление, отдав народное богатство на разграбление и частное (личное) присвоение, вроде бы создавая, выражаясь традиционным политэкономическим языком, капитализм, а на самом деле нахичив гремучую смесь из прозападного (финансово-глобо-колониального) капитализма со вполне себе азиатским, а в чём-то и петрово-романовско-российским, деспотически-имперским феодализмом, что собственно, и получилось, и есть, и лишь в условиях разгорающейся конфронтации России с Западом, не избежавшей и войновской стези, что вынужденно устремилось к суверенности, достижение которой возможно лишь при невозможно выглядящем на текущий момент полноценном обращении РФ к коренной России и реальном превращении псевдороссийской РФ в действительную Россию, а это уже не просто текущая практическая задача, а трансцендентного порядка *сверхзадача*, требующая не одних разумных-де властно-управленческих действий, а вполне себе трансцендентно-иррационального *преображения* – ПРЕОБРАЖЕНИЯ!, которое ежели и случится, то, увы, через какую-то большую экзистенциальную и тоже трансцендентного свойства коллизию, пусть и не огнемётную катастрофу, преодоление чего и потребует *качественного превращения*, причём, – скорее, более насильственного, чем привольного, – превращения *одного*

бытийного в принципиально *иное бытийное*, как раз и в корне отличное от ныне вальяжно-тревожно текущего квазироссийского.

Да, современная Россия, представленная Российской Федерацией, не просто вестернизирована и вплетена в Запад, она ещё и пронизана западным, как и охвачена своим доморощенным, *сатанизмом*, непринуждённо морально-этически разлагающим и буквально *терроризирующим* (открытие-утверждение Ю. М. Осипова) страну, её людей, её молодёжь, который уже и не скрывается, ибо его никто не гонит и прятаться ему не от кого, отчего ситуация в стране, несмотря на обилие потребительских третьесортных пряников, а может, и благодаря им тоже, куда как более *паскудная*, чем непаскудная, что при всём при этом вовсе не значит, что это *паскудство* (а ведь категория не правда ли, сия «метафора» Ю. М. Осипова?) целиком и накрепко овладело страной, её населением, социумом, культурой, системой управления, даже и капиталом с его олигархатом, – да, пронизало, охватило, поразило, заразило, но ... но ... всё-таки *не овладело*, – и это несмотря на великие возможности, вдруг выпавшие на его долю.

Да, не овладело! И дело тут не в одних традициях, обычаях, привычках, приверженности здоровой старине, нет, не только, а кое в чём другом – как раз в *ином*, в засевшем намертво в человеке и не устранимом никакими карательными, прельстительными и обманными мерами, лживыми посулами и коварными дарами экзистенциальном ферменте – *ферменте человечности*, который, собственно, в тьмах россиян и сидит, и работает, удерживая их в людском образе и поддерживая людскую жизнь среди антилюдской нежизни.

Нет, не удалось загнать в услужливо расставленные нового образца античеловеческие сети всех поголовно россиян, совсем не удалось, несмотря на измены немалого числа из них самим себе, России, а то и Родине: война всё и высветила: и то, и другое, и третье, однако выявила и кое-что ещё, а именно – *преданность* Родине, России, самим себе, человеческой в человеке человечности, причём выявила как-то само собой, без показного шума, без истерического надрыва, как раз по-нашенски, по-русски, по-российски, то бишь по-настоящему, а где вот такая настоящесть, там и *мистическая*

концентрация позитивных энергий и сил, пусть пока ничего вроде бы и не значащая, но зато ... *мобилизационная* – так уж устроено бытие людское: тихо-тихо и вдруг ... *сжатый кулак*, как правило, чуть ли ни с того, ни с сего – как раз по велению *Иного!*

Гибкие и подвижные, при всей их кажущейся ригидности и статичности, эти энергии и силы, как и их облачковые концентрации, то погружающиеся вглубь Бытия, чуть ли не в Навь, то выплывающие вдруг наверх – в самую Явь, даже и достигая иной раз, обычно весьма далёких, сакральных Небес, напитываясь Великой Неизвестностью и оплодотворяясь Великим Иным, внедряясь и в зёмных субъектов, обильно обогащающихся софийным духом, и вдруг на тебе – *перемены* – ПЕРЕМЕНЫ! – невероятные, внезапные, упорно не допускавшиеся, гонимые даже в мыслях, ещё по сути-то и не перемены, а всего лишь их предтечи, но которые уже не стучатся в режимную дверь, а её бесцеремонно распахивают, подгоняемые агрессивной конфронтацией Запада с Россией, ещё и грозящей России полным уничтожением, однако выдавившей из России вопреки себе нужное для России призывное слово: пошла *российская мобилизация*, стронулись с места и кое-какие остро необходимые для страны, пусть для вершителей её судьбы, пока ещё и более вынужденные, чем желанные, *перемены*, причём всё это парадигмально склонилось как раз в *советскую*, пусть и квазисоветскую, но вовсе не в западную, сторону. Нет, конечно, тут никакая не реставрация «советизма», и уж, тем более, не явная россиезация, а пока лишь ситуационное, частичное и немало симуляционное пользование идейно-духовным наследием и выигранным опытом СССР и исторической России.

«Ход вещей», не говоря о «ходе неизвестности», никто не отменял и отменить не может, а это так или иначе «ход человека» к чему-то непременно *иному*, – и что интересно – к *принципиально иному*, о сути и фигурации которого даже само Великое Иное пока ничего не подозревает!

Отдавая должное всем великим, не очень великим и вовсе на первый взгляд не великим мыслителям прошлого, в особенности, отечественным, у которых учился, с кем мысленно беседовал, кому осознанно и подсознательно следовал, Ю. М. Осипов

отдаёт дань особого уважения своему предшественнику по линии философии хозяйства – *Сергею Николаевичу Булгакову*, пусть им – Ю. М. Осиповым – в момент собственного открытия и созидания своей философии хозяйства и не ведомого в ипостасях философа хозяйства, идеалистического философа, метафизика, софиолога, богослова, зато потом ставшего его приоритетным сомыслителем из прошлого, поспособствовавшим выходу его – Ю. М. Осипова – за пределы «чистой науки», облегчившим подход к метафизике, открывшим ему значение Софии Премудрости Божией как сакрального источника мысли человеческой, неперменного критерия хозяйственной деятельности человека и первейшего начала самой философии хозяйства.

Сначала было пристальное ознакомление с *«Философией хозяйства»* С. Н. Булгакова, её внимательнейшее изучение, затем и знакомство с другими работами *великого мыслителя*, кстати, признанного именно *великим!* – пожалуй что и впервые в России, – как раз Ю. М. Осиповым, что случилось в 1996 г. на состоявшейся по инициативе Ю. М. Осипова содержательной, можно сказать, что и ударной, международной научной конференции *«Творческое наследие С. Н. Булгакова и его современное социально-экономическое значение»*, проведённой по случаю 125-летия С. Н. Булгакова в родном для него Московском университете. По итогам конференции была выпущена сначала малая коллективная монография *«Творческое наследие С. Н. Булгакова и современная социально-экономическая мысль»* (1996), а затем и крупная, уникальной по содержанию и значимости, коллективная монография *«Преодоление времени»* (1998). Конференция и обе монографии подтвердили не только величие С. Н. Булгакова как мыслителя, но и его, пусть и не триумфальное, но зато уверенное возвращение на Родину как её верного сына. За конференцией 1996 г. и первыми печатными в адрес Булгакова трудами последовали и другие научные форумы и книги, обращённые к великому сыну России, его уникальному творчеству.

В 1999 г. по инициативе Ю. М. Осипова была учреждена почётная нагрудная медаль С. Н. Булгакова *«Свет невечерний»*, которой были награждены за три десятка лет три десятка выдающихся

учёных, организаторов и попечителей гуманитарной, прежде всего, конечно, философско-экономической, науки. Был также изготовлен бронзовый бюст С. Н. Булгакова, хранящийся в МГУ в очаге философии хозяйства – личном кабинете Ю. М. Осипова, а его копии нашли приют в краеведческих музеях г. Ливны, Орловской области, где родился и вырос С. Н. Булгаков, г. Орла, где юный Булгаков учился в духовной семинарии, а также в Париже, в Свято-Сергиевском Православном богословском институте, в котором протоиерей Сергей Булгаков трудился в качестве профессора и декана (ректора) с 1925 по 1944 гг.

Везде по миру чтут С. Н. Булгакова – как земляка (в центре г. Ливны ныне есть площадь имени С. Н. Булгакова, где стоит и открытый при участии Ю. М. Осипова и его коллег мраморный памятник великому земляку), как мыслителя, как профессора и учителя, как богослова, а для кое-кого и как *апостола* (!), признанного таковым сразу после кончины о. Сергия парижским митрополитом Евлогием. С. Н. Булгакова знают и почитают за границей, прежде всего как богослова-экумениста, что не значит, что Булгаков, будучи ещё и софиологом, изменил Православию, не говоря уже о Родине, покинутой им не по своей воле в 1922 г., однако в нынешней России его сейчас более знают и признают, при этом особенно не зная и по сути не признавая, как философа-идеалиста, изменившего-де марксизму и материалистической философии, и совсем в малой степени знают и признают как незаурядного политэконома и из ряда вон выходящего философа хозяйства. Ничего не поделаться: «Не бывает пророков в Отечествах своих!», а потому в Отечестве своём С. Н. Булгаков значится более всего как еретик, причём тройной: от богословия – за софианскую де ересь и экуменизм; от философии – за идеализм и отход от марксизма; от экономики – за отход от политической экономии и выход на философию хозяйства.

Да, мировоззренческие переломы просто так, не коллизионно, не проходят, а переломщиков на руках не только не носят, а более всего игнорируют, осуждают, отвергают, а то и травят – до смертоубийства, хотя приходят времена, когда концептуальные новины переломщиков (еретиков-де!) вдруг становятся если не всеобщим, то весьма распространённым в интеллект-среде

достоянием, – и хорошо ежели ментальные наследники не забывают первопроходцев, называют их имена, цитируют их труды, а то ведь частенько и в забвение окунают, и топят их там, нередко выдавая со временем выстраданное переломщиками уже за своё собственное, вдруг внезапно-де родившееся, за жутко-де новенькое, ухватывая оттого и соответствующий своим невзрачным умственным подвигам вполне себе ощутимый гешефт. А ныне – в эпоху *послеправды*, такое ведь сплошь и рядом, отчего одно тут спасение: Булгаков, к счастью, нынешним «образованцам» по сути своего мыслиезъявления просто не по зубам, как, собственно, и философия хозяйства с софиасофией тоже, – факт!

После-сказание

Вот таким вышло пара-недо-вне-энциклопедийное эссе (попытка, набросок), оно же и опус, а в нашем случае ещё и *автоопус*. Хорошо ли сие получилось, не очень хорошо или даже совсем не хорошо – какая разница! Что-то, да получилось! И что же? Нет, не только обильная (а вот зачем и для кого?) информация, не только самооценочные суждения, конечно, авторитарные, отчего и сомнительные, не только чего-то там небесспорные открытия, а то и претенциозные о чём-то там откровения, они же, конечно, и самозабвенные де заблуждения, – всё это само собой разумеющееся для такого рода незаконнорожденного и вольноопределяющегося, ещё и претенциозного, произведения, однако получилось и кое-что другое, совершенно для самозванного автора и неожиданное, что не так даже в тексте, как за ним, точнее, следом за ним, уже в роли послетекстъя, как завершающий симфонию в глубине оркестровой ямы аккорд, но не так по поводу самого по себе текста, который мог бы стать иным, вполне и энциклопедийным, хоть и мало что говорящим, как по поводу субъекта-объекта и всего его – субъекта-объекта – совокупного по жизни творения, что то же самое – *страды*, в тексте, худо-бедно, кое-как отражённой.

Какой же тут вдруг случился аккорд? А вот какой: ни сам субъект-объект со своим бэкграундом, ни его еретических свойств творение, вовсе и *не достойны*, как вдруг автору опуса само по себе открылось, присутствия ни в каком современном энциклопедического рода издании, ибо не соответствуют они ничему энциклопедийно общепризнанному и ни на какую энциклопедию представительской претензии иметь не могут. В самом деле, ни звания приличного у претендента, ни высокой красноречивой награды, ни убедительной медийной известности, ни широкого учёно-публичного признания, ни даже непрямого отсутствия, как это принято у достойных среди учёных претендентов на отражение в энциклопедии, не то что уникальных, а и вообще сколько-нибудь реально значимых трудов,

хотя бы и ловко заимствованных, даже и этого у субъекта-объекта нет, а главное – не в актуально-обыденной струе он со своим творением: ни в официозной, ни в диссидентской (антисоветской), ни в модной прозападной, ни даже, хоть уже и слегка потускневшей, в антироссийской.

Да и таится незадачливый претендент со своим творением где-то в особо никем не одобряемой и не замечаемой глубинной, вполне и болотного состава, прорусской-де сердцевине, из которой никогда и ничего из принимаемого текущей реальностью, иначе как через посредство чьей-то ловкой имитации, хитроумной симуляции и нарочитого искажения, не исходит, а ежели что-то вдруг по правде и исходит, то, конечно же, анонимно, да и для внедрения в текущую реальность, которая более псевдореальность, чем реальность, никак не приемлемое, ею охотно отвергаемое и даже ненавидимое, а ежели всё-таки в самой текущей реальности, которая бывает иной раз именно реальностью, а не псевдореальностью, что-то из глубин русской сердцевины вышедшее вдруг как-то утверждается, то опять же анонимно и, естественно, исключительно как нечто ни с того, ни с сего самовозникшее или же возникшее по мановению волшебной палочки из всевидящего и всем и вся де управляющего властного центра, – и никак иначе!

Ничего не поделать, такова уж у нас, в России, умственная *селяви!*

Вот такой приключился у самовольного автора самопроизвольного текста неожиданный автовывод, а с ним и конфуз, а за ним и самоотвод, вполне по-адвокатски и не оспоримые, да что неоспоримые – *законные!*

Литературно-художественное издание

Юрий Михайлович Осипов

СТРАДА
Непокорный автоопус.
О себе самом – от себя и со стороны

Издаётся под авторской редакцией
со всеми её вольностями, недочётами и неправильностями

Подписано в печать 21.03.2023 г. Формат 60х84/16.

Усл. печ. л. 21,86. Тираж 50 экз. Заказ 200

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина.
392000 г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

Отпечатано с готового оригинал-макета в Издательском доме «Державинский».
392008, г. Тамбов, ул. Советская, 190г